

«Одна из моих любимых книг —
темная, волнующая
и с прекрасным юмором».

ХОЛЛИ БЛЭК, автор серии
«СПАЙДЕРВИК. ХРОНИКИ»

The New York Times Bestseller

ОРУДИЯ СМЕРТИ

КНИГА III

ГОРОД СТЕКЛА

КАССАНДРА КЛЭР

Сумеречные охотники

Кассандра Клэр

Орудия Смерти. Город стекла

«АСТ»

2009

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Клэр К.

Орудия Смерти. Город стекла / К. Клэр — «АСТ»,
2009 — (Сумеречные охотники)

ISBN 978-5-17-106355-9

Вслед за семейством Лайтвудов и Джейсом Клэри оказывается в Аликанте, столице Идриса, где хранится последнее ОРУДИЕ СМЕРТИ – Зеркало, за которым охотится Валентин. Только тот, в чьих руках окажется это Зеркало, отстоит и обретет мир. В борьбе с Валентином нефилимы объединятся с оборотнями и прочей нежитью, а Клэри из рук ангела Итуриила получит новую руну, но что она означает, девушка узнает только после решающей битвы. Многие тайны будут раскрыты, новые союзы заключены, кто-то погибнет, а кто-то откроет в себе новые способности и обретет надежду.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106355-9

© Клэр К., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Часть первая. Взлетают искры	6
1. Портал	6
2. Сторожевые башни Аликанта	15
3. Аматис	28
4. Светолюб	36
5. Вспомни то, что мне нужно	45
6. Вражда	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Кассандра Клэр

Орудия смерти. Город стекла

Cassandra Clare

The Mortal Instruments. City of Glass

© 2009 by Cassandra Clare, LLC

© Н. Абдуллин, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Долог путь, безмерно тяжёс,
От Преисподней к свету.

Д. Мильтон, «Потерянный рай».¹

¹ Пер. А. Штейнберга. Здесь и далее – примечания переводчика.

Часть первая. Взлетают искры

*...Но человек рожден для страданий, как искры, чтобы
устремляться вверх.
Иов, 5:7*

1. Портал

Вернулось тепло, и вновь ярко светило солнце. Не то что на прошлой неделе.

Клэри бежала к дому Люка по пыльной дорожке. Чтобы волосы не лезли в глаза, девушка натянула капюшон. Погода, может, и прояснилась, но с Ист-Ривер по-прежнему задувал злой ветер: пахло химией, асфальтом и бензином из Бруклина, а еще – жженым сахаром с заброшенной фабрики.

Саймон дожидался на крыльце, сидя в продавленном дырявом кресле. Он пристроил на коленях карманную «Нинтендо» и сосредоточенно водил стилусом по нижнему экрану.

– Есть! – сказал он, когда Клэри поднялась по ступенькам. – Я чемпион по «Гонкам Марио».

Клэри откинула капюшон и, поправив челку, достала из кармана ключи.

– Ты где пропадал? Я тебе все утро звонила.

Саймон спрятал сверкающую коробочку игровой консоли в «почтальонскую» сумку.

– У Эрика. Мы репетировали.

– Репетировали? – нахмурилась Клэри и даже перестала возиться с замком. – Так ты...

– ...Все еще в группе? Ну да, а что? – Обойдя Клэри, Саймон предложил: – Давай помогу.

Уверенно, без лишней суеты он провернул ключ в ржавом замке, и механизм, щелкнув, поддался. Саймон случайно коснулся руки Клэри. Девушка вздрогнула: кожа вампира была холодна, как уличный воздух. При Саймоне Клэри по-прежнему становилось неловко, ведь они всего неделю как разошлись.

– Спасибо, – буркнула девушка, забрав ключи и не глядя на друга.

В гостиную было жарко. Повесив куртку на крючок в прихожей, Клэри прошла в спальню; Саймон, к ее неудовольствию, плелся следом.

На кровати лежал чемодан, раскрытый, будто устрица. Повсюду валялись одежда и художественные принадлежности.

– Я думал, ты в Идрис всего на пару дней собираешься, – заметил Саймон, рассматривая беспорядок с легким оттенком неприязни во взгляде.

– Так и есть. Просто я не знаю, что взять: вдруг мне запретят носить брюки? Ни платьев, ни юбок у меня почти нет.

– Почему это тебе запретят носить брюки? Ты в другую страну отправляешься, а не в другой век.

– Нефилимы на вид старомодные. Изабель всегда в платьях ходит... – выпалила Клэри и тяжело вздохнула. – Ладно, проехали. Я из-за мамы расстроена, вот и загоняюсь насчет гардероба. Давай о другом поговорим. Как репетиция? Название группе подыскали?

– Все отлично. – Саймон уселся на стол. – Думали над слоганом. Хочется чего-нибудь с игрой слов, типа: «Наш рок не отпустит».

– Ты признался Эрику и остальным...

– ...Что я вампир? Нет. В подобном, знаешь ли, не так-то легко признаться.

– Наверное, ты прав, но они – твои друзья. Им можно открыться. Тем более, узнав, что ты вампир, они станут почитать тебя. Ну, как рок-н-рольного бога, вроде того вампира, Лестера.

– Лестат, – поправил ее Саймон. – Вампира звали Лестат². И вообще, он выдуманный. Ты, между прочим, тоже не особо торопишься рассказывать друзьям, что ты нефилим.

– Каким еще друзьям? Ты – мой друг. – Клэри навзничь упала на кровать. – И тебе я открылась.

– Выбора не было. – Склонив голову набок, Саймон посмотрел на Клэри. В свете ночника его глаза приобрели серебристый оттенок. – Я буду скучать по тебе.

– И я по тебе буду скучать, – призналась Клэри.

Предвкушая путешествие в Идрис, Клэри больше ни о чем другом думать не могла. От возбуждения по телу забегали мурашки.

«В Идрис! – ликовала Клэри. – На родину нефилимов, в Город стекла. Спасать маму... И рядом будет Джейс».

В глазах Саймона загорелся взволнованный огонек. Вампир как будто прочел мысли нефилимки.

– Напомни, – попросил он тихим голосом, – зачем тебе в Идрис? Разве Люк и Мадлен без тебя не управятся?

– Маму погрузило в сон заклинание одного мага, Рагнора Фелла. Мадлен говорит, надо найти Фелла и уговорить его снять заклятие. Понимаешь, колдун с Мадлен незнаком, а мне он поверит, потому что знал маму... Я ведь на нее очень похожа. Люку со мной нельзя: в Идрис-то его пустят, но в Аликант без разрешения Конклава – нет. Конклав разрешения Люку не даст. И, пожалуйста, не говори с ним об этом. Он и так не хотел отпускать меня. Хорошо, что Люк давно знает Мадлен, иначе точно не отпустил бы.

– В Идрис идут Лайтвуды. И Джейс. Они помогут. В смысле, Джейс обещал тебе помощь, верно? Охотно поможет и в этот раз.

– Разумеется, поможет. С радостью возьмет меня с собой, – ответила Клэри.

Она прекрасно знала, что это неправда.

* * *

От Мадлен Клэри напрямик побежала в Институт, к Джейсу. Когда-то она рассказала о секрете матери именно ему, не Люку. Как ни странно, теперь, во время разговора, Джейс стал бледнеть, будто Клэри не план спасения излагала, а с жестокой неспешностью тянула из брата кровь.

– Никуда ты не пойдешь. Если придется, я свяжу тебя, повалю на пол и сяду сверху. Не пущу в Идрис! – произнес он хлестко, будто по лицу ударил.

Ничего себе! Клэри бежала к нему со всех ног, а он... Стоит на пороге, смотрит, как на безумную, и побледнел, что твоя смерть.

– Вы же идете.

– Да, идем. Так надо. Конклав созвал всех активных членов на общий Совет. Голосовать насчет Валентина. И раз уж мы последние, кто имел с ним дело...

– Так почему мне нельзя с вами?! – возмутилась Клэри.

Джейс еще больше разозлился от такой прямоты.

– Для тебя там слишком опасно.

– А здесь спокойнее, да?! Меня за последний месяц раз десять чуть не убили. В Нью-Йорке!

– В городе были два Орудия смерти, и Валентин стремился их заполучить, – процедил Джейс. – Теперь он обратил свой взор на Идрис, все знают...

² Аллюзия на фильм Майкла Римера «Королева проклятых», снятый по мотивам романов Энн Райс «Вампир Лестат» и «Королева проклятых».

– Насчет Идриса мы совершенно уверены, – сказала Мариза Лайтвуд, стоявшая до того в тени. В ярком свете на лице у нее отчетливо проступили следы жуткой усталости. Во время последней битвы Роберта Лайтвуда ранил демон, отравил ядом, и теперь Маризе приходится постоянно ухаживать за мужем. Один бог знает, скольких трудов ей это стоит. – А еще Конклав пожелает встречи с Клариссой. И тебе, Джейс, о его намерении известно.

– Шел бы этот Конклав...

– Джейс! – неожиданно по-матерински одернула его Мариза. – Следи за речью.

– Конклав много чего хочет, – поправился Джейс. – Только мы не обязаны ему потакать. Мариза словно читала мысли Джейса, и эти мысли ей очень не нравились.

– Конклав редко ошибается. С их стороны логично требовать встречи с Клэри – после всех испытаний! Ей есть что рассказать...

– Я буду говорить за нее. Отвечу на любые вопросы, – настаивал Джейс.

Вздохнув, Мариза обратила взор голубых глаз на Клэри:

– А ты и сама в Идрис хочешь, я верно поняла?

– Всего на пару дней. Ничего со мной не случится, – взмолилась Клэри, стараясь не замечать, как испепеляюще смотрит на Маризу Джейс. – Клянусь.

– Дело не в опасностях. Дело в том, согласишься ли ты на встречу с Конклавом. Они хотят поговорить с тобой. Если откажешь, нам не разрешат провести тебя в Идрис.

– Нет... – начал было Джейс, но Клэри ответила:

– Согласна!

По спине пробежал холодок. Из всего Конклава нефилимке была знакома лишь Инквизитор, да и с ней-то лишний раз общаться не радовало.

– Решено, – подвела итог Мариза, массируя виски. Ее голос дрожал перетянутой скрипичной струной. – Джейс, проводи Клэри на выход, и после я жду тебя в библиотеке. Надо поговорить.

Сказав так, Мариза растворилась в темноте, ни слова не сказав на прощание. Клэри будто окатили ледяной водой. Дети Маризы – Алек и Изабель – восхищались матерью, которую и сама Клэри считала человеком хорошим. Вот только теплоты в манерах ей недостает.

– Полюбуйся, что ты натворила. – Брат сжал губы в тонкую линию.

– Мне надо в Идрис, как ты не поймешь! – ответила Клэри. – Ради матери.

– Мариза чересчур доверяет Конклаву. Думает, они непогрешимы, а я не смею разубедить ее, потому что... – Он осекся.

– ...Так действовал бы Валентин? – подсказала Клэри.

Вопреки ожиданиям, Джейс не взорвался гневом. – Непогрешимых не бывает... – сковадно произнес он, потом вызвал лифт и закончил фразу: – Даже в рядах Конклава.

Скрестив руки на груди, Клэри спросила:

– Ты поэтому не хочешь меня отпускать? Думаешь, я в опасности?

– А что, есть еще причины не пускать тебя в Идрис? – удивился Джейс.

Клэри тяжело сглотнула.

– Ты... – Фразу она не закончила, договорив про себя: «Ты сказал, что больше не любишь меня, а я, представь, все еще люблю тебя. Глупо, да, но ты сам прекрасно все понимаешь».

Тем временем Джейс подсказал:

– ...Не хочу всюду таскать за собой младшую сестренку? – В его голосе прозвучала насмешка и что-то еще.

Грохоча, прибыл лифт. Войдя в кабину, девушка обернулась:

– Я хочу в Идрис не из-за тебя. Ради матери. Нашей матери. Надо ей помочь. Очень надо, как ты не поймешь?! Без меня мама никогда не проснется. Хоть притворись, что тебе есть до нее дело.

Джейс положил ей руки на плечи, коснувшись походя шеи, и от этого девушка совершенно не к месту затрепетала. Против воли она заметила синяки под глазами у Джейса, запавшие щеки. Привычный черный свитер и темные ресницы только четче их выделяли; с Джейса можно было писать портрет в черно-белых тонах, добавив мазки золотым – на месте глаз, для контраста...

– Лучше пойти мне, – настоял Джейс. – Я помогу матери. Скажи, куда идти и что спрашивать. Достану все нужное.

– Мадлен предупредила мага, что придет дочь Джослин. Не сын.

– Так передай, – стиснул Джейс ее плечи, – что в планах изменения. Пойду я, а не ты. Никак не ты.

– Джейс...

– Я все сделаю. Все, что пожелаешь. Только останься дома.

– Не могу.

Джейс попятился, будто его толкнули.

– Почему?

– Потому, что Джослин – моя мать.

– И моя тоже, – холодно возразил парень. – Почему Мадлен не поручила задание нам обоим? Отчего посылает одну тебя?

– Сам знаешь.

– Да, – еще холоднее заговорил Джейс. – Для Мадлен ты навсегда останешься дочерью Джослин, а я – сыном Валентина.

Юноша захлопнул решетчатую дверь лифта, словно возводя между собой и Клэри преграду. Узорчатая ширма разбила его лицо на множество металлических ромбов, и сквозь один из них сверкал яростным блеском золотой глаз.

– Джейс... – позвала Клэри, но лифт с грохотом и скрежетом понес ее вниз, в темноту собора.

* * *

– Земля вызывает Клэри. – Саймон помахал у нее перед носом рукой. – Уснула?

– А? Что? Прости, – встряхнула головой Клэри.

С Джейсом она больше не разговаривала, да он и не брал трубку. Пришлось составлять план похода в Идрис с Лайтвудами при неохотном посредничестве Алека. Бедный пареньек, разрывается между Джейсом и матерью.

– Ты что-то говорил? – переспросила Клэри.

– Да. По-моему, вернулся Люк, – сказал Саймон и соскочил на пол. В этот момент открылась дверь в спальню. – А вот, собственно, и он.

– Привет, Саймон, – поздоровался Люк спокойным или скорее усталым голосом. На оборотне были поношенная джинсовка, фланелевая рубашка и заправленные в ботинки вельветовые штаны, выдавшие лучшие годы. Очки Люк сдвинул на лоб, зарыв их в каштановые волосы, в которых с прошлого раза прибавилось седины. Люк принес с собой квадратный сверток, перетянутый зеленой лентой, и вручил его Клэри со словами: – Тебе на дорожку.

– Ой, спасибо! Но зачем... Ты и так столько всего...

Люк накупил ей одежды взамен утраченной, подарил новый телефон, набор художника... Почти все, что сейчас было у Клэри, она получила заботами Люка.

«Не хочет меня отпускать – и все равно благословляет», – мысленно подметила девушка.

– Увидел это и вспомнил о тебе, – оправдался Люк.

Вскрыв коробку и развернув слои оберточной бумаги, Клэри нащупала нечто мягкое, словно мех котенка. Тихо охнув, вытащила бархатный плащ бутылочного цвета. Ретростиль,

подкладка из золотистого шелка, медные пуговицы и широкий капюшон. Разложив обновку на коленях, Клэри любовно провела по ней пальцами.

– Как у Изабель. Настоящий походный плащ нефилима!

– Точно, – ответил Люк. – Теперь, когда попадешь в Идрис, будешь совсем как своя.

– Маскируешь меня под нефилима?

– Клэри, – грустно улыбнулся Люк, – ты и есть нефилим. Но ты знаешь, как Сумеречные охотники относятся к чужакам. Если можно хоть немного сгладить различия...

Тут напомнил о себе Саймон – вампир издал какой-то странный звук, и Клэри виновато обернулась. Совсем о друге забыла!

– Ну, мне пора, – глянув на часы, сказал Саймон.

– Ты же только пришел, – возразила Клэри. – Я думала, оттянемся вместе. Кино посмотрим или еще что...

– Пакуй вещи, – напомнил Саймон с улыбкой, яркой, как солнышко после дождя. Будто и правда не обижается. – Зайду позже, попрощаться.

– Брось, – протянула Клэри. – Оставайся.

– Не могу, – решительно отказал Саймон. – С Майей встречаюсь.

– Вот как? Ну... здорово, – ответила Клэри. И правда, Майя хорошая, умная, красивая. И еще она оборотень. Оборотень, влюбленный в Саймона. Может, так и должно быть? Саймон – нежить, и встречаться ему сто́ит с нежитью. Нечего водиться с Сумеречными охотниками. – Тогда тебе лучше идти.

– Ага, – согласился Саймон. В его темных глазах Клэри не сумела прочесть ничего, хотя раньше и получалось. Интересно, почему это? Побочный эффект вампиризма? – Пока, – сказал Саймон и наклонился, готовясь поцеловать Клэри в щеку. Даже убрал к уху волосы... и отстранился. По его лицу Клэри тоже не сумела ничего понять.

Она удивленно нахмурилась. Саймон прошел мимо Люка, в коридор... Хлопнула парадная дверь.

– Да что с ним? – воскликнула девушка, прижимая к себе бархатный плащ, словно ища в наряде утешение. – Он из-за вампиризма такой странный?

– Вряд ли, – насмешливо ответил Люк. – Став нежитью, отношения к миру – да и к знакомым – не изменяешь. Дай Саймону время. В конце концов, ты порвала с ним.

– Это он порвал со мной.

– Ты его не любила. Положение незавидное, но Саймон справляется с достоинством. Другой подросток на его месте разобиделся бы или ночевал у тебя под окном с бумбоксом в обнимку.

– Бумбоксы устарели. Еще в прошлом веке. – Поднявшись с кровати, Клэри надела плащ и застегнулась под самое горлышко. До чего же приятно ощутить мягкие объятия бархата. – Просто хочется, чтобы Саймон вел себя по-людски.

Посмотревшись в зеркало, Клэри осталась довольна. Зеленый выгодно подчеркивал рыжий цвет волос и оттенок глаз.

– Что скажешь? – обернулась она к Люку.

Спрятав руки в карманы, Люк оперся плечом о косяк. По его лицу пробежала смутная тень.

– Твоя мама носила такой же.

Клэри впиалась ногтями в манжеты плаща. Люк говорит о Джослин с такой грустью, что хочется плакать.

– Мы сегодня успеем в больницу? Скажу маме, что отправляюсь в Идрис. Спасать ее...

– Да, в больницу заглянем, – кивнул Люк. – И вот еще что...

– Что? – Смотреть на Люка совсем не хотелось, но, к облегчению Клэри, печаль ушла с его лица. Оборотень улыбался.

– Нормальным быть не так уж и здорово.

* * *

Глянув в записку, Саймон прикрыл глаза от полуденного солнца и посмотрел на собор. Институт гранитной глыбой высился на фоне синего неба: стрельчатые арки и окна, высокая каменная изгородь; горгульи свисают с карнизов и как бы дразнят – входи, мол, если осмелишься. Первый раз Саймон увидел на месте собора одни лишь руины, однако на нежить маскировочные чары не действуют.

«Тебе здесь не место!»

Слова прозвучали резко и едко. Но откуда? Из уст горгулий? Родились прямиком в голове?

«Это – церковь, а ты проклят!»

– Цыц, – неуверенно пробормотал вампир. – Плевать мне на церкви. Я вообще еврей.

В каменной стене имелись кованые ворота. Саймон потянулся к калитке, ожидая, что кожа вспыхнет болью. Хм, нет, все хорошо. Видимо, ворота сочли святыней и заклятий накладывать не стали. Саймон отворил калитку и вошел. На полпути от входа рядом слышались знакомые голоса.

Или не совсем рядом?.. Юный вампир успел позабыть, насколько обострились его слух и зрение. Говорящие как будто стоят за спиной... Обойдя Институт, Саймон заметил: люди довольно-таки далеко, на противоположной стороне участка. Высокая трава почти скрывала ветвистые тропинки, обегавшие клумбы роз. Саймон даже заметил каменную скамейку, уютную ползучим растением. Да, некогда здесь и правда стояла церковь – пока ее не заняли Сумеречные охотники.

Первым Саймон увидел Магнуса: тот привалился к замшелой каменной стене, одетый в белую футболку с аляповатым цветастым узором и в радужные кожаные штаны. Эдакая парниковая орхидея в окружении затянутых в черное нефилимов: Алека, бледного и беспокойного; Изабель, чьи черные косы были перехвачены серебристыми лентами. Рядом стоял мальчик (наверное, Макс), и еще – их мать, суховатая, подросшая копия дочери. Последней Саймон заметил незнакомую женщину. Из-за седины он принял ее за старуху, но стоило ей повернуться и заговорить с Маризой, как стало понятно: «старухе» лет тридцать-сорок, не больше.

Поодаль ото всех, будто чужой, стоял Джейс, тоже весь в черном. Саймон, одетый в черное, натурально смотрелся покойником, хоть в гроб клади. Джейс в черном выглядел угрожающе. Да и волосы у него посветлее.

Саймон невольно ссутулился. Как простить Джейса? Не держать обиду, когда на сердце по-прежнему больно? Одна надежда на время и милосердную память.

Странно, весьма необычно видеть такое сборище нефилимов. Джейс ощутил присутствие нежити и обернулся. При виде тонкого белого шрама у него на шее Саймон ощутил, как обида преобразуется в нечто иное.

Коротко кивнув вампиру, Джейс обратился к Маризе.

– Я сейчас, отойду ненадолго, – сказал он таким тоном, каким Саймон ни за что не обратился бы к собственной матери. Джейс говорил не как ребенок с родителем, а как взрослый со взрослым.

В знак разрешения Мариза лишь отмахнулась.

– Так долго? – говорила она с Магнусом. – Это ненормально!

– Большая скидка, вот что не есть нормально, – ответил Магнус и ударил по стене каблуком. – Обычно я беру вдвое больше.

– Я прошу открыть временный портал в Идрис. Портал в один конец – мы войдем, и ты закроешь проход. Такова суть договора. – Марица обратилась к седовласой женщине: – Ты, Мадлен, останешься и проследишь, чтобы Магнус свою часть соглашения выполнил.

Мадлен? Так вот она какая, подруга Джослин. Впрочем, Саймон разглядеть ее как следует не успел – Джейс схватил его за руку и увел подальше, туда, где трава выросла еще гуще и выше, а стебли вьюнка по-змеиному оплетали тропинку.

Заведя вампира за высокий дуб, Джейс быстро огляделся.

– Здесь безопасно. Можем поговорить.

Определенно, здесь было тише: громада Института заглушала идущий с Йорк-авеню шум дорожного движения.

– Это ты меня вызвал, – заговорил Саймон. – Прилепил записку на окно. Не мог по телефону позвонить, как все нормальные люди?

– Если можно, вампир, я телефоном не пользуюсь, – парировал Джейс, пристально глядя на Саймона, будто в раскрытую книгу, со смесью удивления и, кажется, разочарования. – Так, значит, правда, ты живешь при свете дня? Даже полуденное солнце тебе не страшно?

– Не страшно, – ответил Саймон. – Сам знаешь, ты был там с нами.

Где это «там», вампир объяснять не стал, потому что Джейс не хуже него помнил и реку, и грузовик, и восходящее солнце. Помнил, как закричала Клэри.

– Ну, не знаю, не знаю. Вдруг ты утратил свои аномальные способности? – предположил Джейс, хотя в виду имел совершенно другое.

– Если мне резко захочется воспламениться, я тебя предупрежу, – ответил Саймон, который и без того недолюбливал Джейса. – Ты меня только затем и вытащил на окраину, чтобы полюбоваться, как на микроба в чашке Петри? В следующий раз пришлю тебе фотку.

– Вставляю ее в рамку и буду хранить у кровати, – неуклюже съязвил Джейс. – Послушай, вампир, есть дело. Противно признавать, но у нас с тобой имеется кое-что общее.

– Что, прически дурные? – так же неискренне сострил Саймон. Глядя на Джейса, он потихоньку начинал нервничать.

– Клэри, – объяснил наконец нефилим, обезоружив Саймона.

– Клэри?!

– Клэри, – повторил Джейс. – Ну, знаешь, такая невысокая, рыжая, плохо воспитанная.

– При чем здесь она? – спросил Саймон, хотя отлично понимал при чем. Просто не хотелось заводить с Джейсом разговоров о чувствах. Разве по лицу не прочесть?

Видимо, нет.

– Она обоим нам дорога, – сдержанно произнес Джейс, в упор глядя на Саймона. – Для нас обоих Клэри важна. Я прав?

– Хочешь убедиться, дорогá ли она мне?

«Дорогá» – слабо сказано. А вдруг Джейс прикалывается? Слишком жестоко, даже для него. Или смеется? У самого-то с Клэри не получилось. Саймон надеялся, что Клэри и Джейс еще признают друг в друге родственников. Надеялся на братскую любовь между ними.

Заглянув Джейсу в глаза, он почувствовал, как надежда тает. Во взгляде нефилима не было и следа братской любви. Не было в них и намекá на издевательство. Зато ярко виделось страдание, и Джейс это понимал.

– Не обманывайся. Мне противно спрашивать тебя о Клэри, – резко проговорил он. – Я хочу понять, на что ты ради нее готов. Сумеешь ли соврать?

– Соврать? В чем вообще дело? – Только сейчас вампир сообразил, почему сборище Сумеречных охотников ему не понравилось. – А-а, ясно. Клэри думает, что вы перейдете в Идрис ночью, а вы уходите немедленно.

– Именно. Скажешь Лайтвудам, мол, тебя прислала Клэри – передать отказ от путешествия. Скажешь, что Клэри передумала. – Голос Джейса прозвучал предельно странно и непри-

вычно. Почему? Джейс просит Саймона! Умоляет! – Нефилимы поверят тебе. Вы с Клэри очень... очень близки.

Саймон покачал головой:

– Ну нет. Ты говоришь об одолжении Клэри, но просишь об одолжении себе самому. – Саймон развернулся, готовый бежать. – Не пойдет.

Схватив вампира за руку, Джейс развернул его к себе.

– Я за Клэри прошу. Хочу защитить ее. Ради Клэри выслушай меня.

Саймон выразительно посмотрел себе на руку в том месте, где в нее вцепился Джейс.

– Как я могу защитить Клэри, если ты даже не говоришь, от чего ее надо спасать?

– Просто поверь мне, – не разжимая хватки, сказал Джейс.

– Видишь ли, ей очень хочется в Идрис. Должна быть чертовски уважительная причина, по которой я не пушу туда Клэри.

Джейс медленно выдохнул и нехотя отпустил вампира.

– Все из-за происшествия на корабле, – сказал он низким голосом. – Клэри применила новую руну, открывающий знак. Что получилось, ты сам видел.

– Клэри потопила корабль. Спасла нам жизни.

– Говори тише, – предупредил Джейс, тревожно озираясь по сторонам.

– Хочешь сказать, есть еще свидетели? – недоверчиво спросил Саймон.

– О корабле знаем я, Люк и Магнус. Всё.

– Остальные думают, что судно само развалилось?

– Я объяснил, что Валентин ошибся в Ритуале обращения.

– Ты солгал Конклаву?! – Саймон не знал, восхититься или поддаться испугу.

– Да. Изабель и Алек знают, что Клэри умеет творить новые руны. Мне не удастся скрыть эту ее способность от Конклава и нового Инквизитора. А если Конклав проведает, что в руках Клэри обычные руны обретают невероятную разрушительную силу, ее станут использовать в качестве бойца, оружия. Клэри не готова, ее воспитали иначе... Что? – осекся Джейс.

Саймон покачал головой.

– Ты же нефилим, – тихо произнес он. – Ты должен стараться во благо Конклава! Пусть даже придется использовать Клэри...

– Хочешь отправить ее в битву? На войну с Валентином и его полчищами?

– Нет, не хочу. Только я не Лайтвуд. Меня не спросят, кто встанет в передних рядах: Клэри или моя семья.

– Не в том дело, – медленно наливаясь густой краской, проговорил Джейс. – Если бы Клэри и правда была полезной Конклаву, я бы не стал спорить. В бою от нее толку мало.

– Ты никогда не отдашь Клэри Конклаву, даже будь она чрезвычайно им полезна.

– Ты к чему ведешь, вампир?

– К тому, что она твоя, и только твоя.

– Значит, не поможешь? – побледнев, спросил Джейс. – И Клэри помогать не станешь?

Саймон погрузился в раздумье. Внезапно тишину нарушил вопль, страшный и отчаянный. Еще страшнее было то, как резко он прервался.

– Что это? – завертелся на месте Джейс.

Вслед за первым воплем прозвучали другие. За ними раздалось лязганье, от которого у Саймона засвербело в ушах.

– Что-то... что-то случилось, – забормотал вампир.

Джейс сорвался с места, побежал к саду, перепрыгивая через корни. Саймон, поборов неуверенность, припустил следом. Он и забыл, как быстро теперь умеет бегать. Саймон догнал Джейса возле угла церкви, и вместе они ворвались в сад...

...Где разразился хаос. Повсюду расплылся густой туман, пахло озоном и чем-то еще, неприятным и сладковатым. В прорехи меж ключев дымки виднелись смутные силуэты. Вот

Изабель, тряхнув косами, ударила плетью, словно золотой молнией. Нефилимка отбивалась от крупного монстра. Демон? Быть не может, день в самом разгаре. Спотыкаясь, вампир прошел чуть вперед и заметил, что бьется Изабель с человекообразным созданием. Впрочем, горбатое и скрюченное, на человека оно походило мало. Только слепо размахивало толстой дубиной.

Всего в нескольких шагах сквозь брешь в каменной изгороди виднелась Йорк-авеню, безмятежная река машин под чистым голубым небом.

– Отреченные, – прошептал Джейс, доставая сияющий клинок серафимов. – Их десятки.

Позабыв меру, он грубо отпихнул Саймона в сторону.

– Оставайся тут, понял? Не лезь.

Нефилим метнулся в бой.

Саймон будто взирал на сад сквозь матовое стекло, не в силах понять, что же происходит по ту сторону. Изабель пропала, зато появился Алек – окровавленной рукой он рассек грудь отреченному, и монстр, корчась, упал. За спиной у нефилима возник еще один, но Джейс был тут как тут: подпрыгнул и со страшной силой обрушил клинки на шею чудовищу. Голова покатилась по земле, брызнул фонтан черной крови. От ее горького ядовитого запаха у Саймона закрутило живот.

Сумеречные охотники перекрикивались, тогда как отреченные сражались молча. Внезапно дымка стала рассеиваться. У стены монастыря, дико сверкая глазами и вскинув руки, стоял Магнус. Между ладоней у мага потрескивали синие молнии. В стене перед ним открывалась черная дыра: не просто отверстие, пустое и абсолютно черное, а подобие зеркала, заключившее в себе вихрь темного пламени.

– В портал! – воскликнул Магнус. – Отступайте к portalу!

Дальше все происходило очень быстро. Марица Лайтвуд вынесла из тумана Макса, обернулась, крикнула что-то через плечо и шагнула в портал. Следом Алек потащил к проходу Изабель; ее плоть волочилась по траве, оставляя кровавый след. И только Алек подтолкнул сестру к магическим вратам, как у него за спиной возникло чудовище, отреченный с обоюдоострым ножом.

Скинув оцепенение, Саймон побежал. Окликнул на ходу Изабель и тут же споткнулся, полетел кубарем. Умей вампир дышать – сбил бы пульс от падения. Поднявшись, он глянул под ноги и увидел труп женщины с перерезанным горлом: мертвые голубые глаза, окропленные кровью седины.

Мадлен.

– Шевелись, Саймон! – крикнул Джейс. Он несея к вампиру, сжимая в руках окровавленные клинки. Саймон обернулся: над ним навис отреченный, тот самый, что преследовал Изабель. Изрезанная шрамами морда расплылась в широком оскале.

Даже нечеловеческие рефлексy и скорость не спасли вампира. Клинок вонзился в его неживую плоть. Боль разлилась по всему телу, и наступила тьма.

2. Сторожевые башни Аликанта

Не придумали еще такого заклинания, чтобы сотворить парковочное место в Нью-Йорке. Клэри с Люком уже раза три объехали квартал кругом – и ничего. Пристроить пикап было негде. В конце концов Люк остановился возле пожарного гидранта и, переключившись на нейтралку, вздохнул:

– Ладно, дальше пешком. Иди вперед и скажи, что мы приехали. Я понесу за тобой чемодан.

Кивнув, Клэри взялась за дверную ручку. Под ложечкой сильно сосало. Вот если бы Люк тоже отправился в Идрис!..

– Знаешь, – сказала Клэри, – я почему-то думала, что для заграничных поездок паспорт нужен.

Люк не улыбнулся шутке.

– Я понимаю, ты нервничаешь. Лайтвуды о тебе позаботятся.

«То же самое я говорила тебе миллион раз», – подумала Клэри.

Похлопав оборотня по плечу, она выбралась из салона.

– Не теряйся.

Клэри пошла по растрескавшемуся камню тропинки. Чем ближе нефилимка подходила к дверям церкви, тем менее отчетливо слышались звуки с проезжей части.

Клэри не сразу сумела пробиться сквозь маскировочные чары. На Институт словно бы наложили дополнительные заклинания, как слой свежей краски. Снимать пелену обмана усилием разума было трудно, даже болезненно, однако вот собор предстал перед Клэри в истинном облике. Высокие деревянные двери блестели, будто заново отполированные.

В воздухе стоял запах озона и гари. Нахмурившись, Клэри взялась за дверную ручку и мысленно произнесла: «Я Клэри Моргенштерн. Прошу впустить меня в Институт...»

Дверь распахнулась.

Войдя, Клэри огляделась, прищурилась. Что-то не так... Что именно – стало ясно, когда дверь захлопнулась. Наступивший сумрак нарушался неясным светом круглого витражного окна в дальней стене. Не горела ни одна из десятков свечей в изящных канделябрах.

Клэри подняла над головой ведьмин огонь, из которого брызнули острые лучики света. Вырываясь между пальцами нефилимки, они озаряли каждый пыльный уголок на пути к лифту.

Клэри нажала кнопку вызова, но механизм не сработал. Выждав с полминуты, Клэри нажала на кнопку еще раз, потом еще и еще. Приникла ухом к двери, однако в шахте царило глухое молчание. Казалось, Институт уснул подобно механической кукле, у которой кончился завод.

Нефилимка побежала обратно на улицу и, толкнув тяжелые двери, вышла на крыльцо. Сердце бешено колотилось.

Под темнеющим синевато-зеленым небом Клэри озиралась, совершенно не понимая, что происходит. Запах гари усилился.

Пожар? Сумеречные охотники покинули здание? Но ведь оно совершенно цело...

– Не было никакого пожара, – произнес знакомый бархатный голос. Из тени материализовался высокий тип в черном шелковом пиджаке поверх блестящей изумрудно-зеленой сорочки: волосы торчат, словно шипы, а на тонких пальцах поблескивают перстни с драгоценными камнями. На ногах – вычурные лакированные туфли.

– Магнус? – прошептала Клэри.

– Я прочел твои мысли, – признался маг. – Здесь не горелым пахнет. Так смердит адова пелена, зачарованный дым, напускаемый демонами, дабы заглушить эффект определенного рода заклятий.

– Адова пелена? Выходит...

– На Институт напали. Пришли отреченные, в количестве нескольких десятков.

– Джейс, – выдохнула Клэри. – Лайтвуды...

– Адова пелена не позволила дать достойный отпор. Пришлось эвакуировать Лайтвудов прямиком в Идрис.

– Они целы?

– Все, кроме Мадлен. Она... Клэри, она погибла.

Нефилимка тяжело опустилась на ступени. Мадлен... Толком с ней пообщаться не вышло, но Клэри чувствовала: Мадлен – тонкая ниточка связи с матерью. С настоящей матерью, беспощадной Сумеречной охотницей, которой Клэри не знала.

– Клэри! – позвал Люк. Оборотень шел по тропинке, неся чемодан. – Ты почему здесь?

Обняв колени, девушка сидела на крыльце и, скорбя по Мадлен, одновременно винила себя за радость и облегчение. «Джейс жив, Лайтвуды живы, – повторяла про себя Клэри, пока Магнус пересказывал события Люку. – Джейс уцелел, это главное».

– Отреченные? – переспросил Люк. – Их перебили?

– Не всех, – ответил Магнус. – Стоило отправить Лайтвудов в Идрис, как монстры ушли. Им как будто не было до меня дела. Я захлопнул портал, и отреченные исчезли.

– Портал закрыт? – спросила Клэри, подняв взгляд на Магнуса. – Ты... ты ведь откроешь его заново? Для меня? К Лайтвудам?

Магнус с Люком переглянулись, и оборотень поставил чемодан на ступеньки.

– Магнус? – едва не сорвалась на крик Клэри. – Мне надо к Лайтвудам!

– Клэри, портал закрыт...

– Открой новый!

– Не все так просто, – покачал головой маг. – Конклав ревностно следит за каждым магическим проникновением в Аликант. Они почитают столицу как святыню. Аликант для них – как Ватикан, как Запретный город. Нежити и примитивным туда нельзя без разрешения.

– Я Сумеречный охотник!

– Лишь на какую-то долю. Тем более городской барьер мешает наведению прямого портала в Аликант. Конклав должен встречать нас по ту сторону. Если я наведу портал без их ведома, то нарушу закон. А нарушать его мне не хочется, моя сладенькая, даже ради тебя.

Магнус смотрел на девушку с сожалением, оборотень же – подозрительно, с нехорошим предчувствием.

– Мне очень надо в Идрис, – повторила нефилимка. – Надо помочь маме. Должен быть иной путь, без портала.

– Ближайший аэропорт за границей, – сказал Люк. – Если – если! – получится перебраться через нее, нас ждет долгое и опасное путешествие по территориям нежити. Уйдут дни.

Глаза жгло. «Нет, – сказала себе Клэри. – Я не заплачу. Не дожdetесь!»

– Клэри, – нежно произнес Люк, – мы как-нибудь свяжемся с Лайтвудами. Они раздобудут нужные сведения, отыщут противоядие для Джослин. Выйдут на Фелла...

Вскочив на ноги, Клэри замотала головой:

– Говорить с Феллом должна я. Никого другого он слушать не станет.

– Фелл, говорите? – оживился Магнус. – Рагнор Фелл? Я мог бы отправить ему сообщение, попросить, чтобы он принял Джейса.

– Вот видишь. – Люк облегченно вздохнул. – Магнус поможет...

Но Клэри ни знать, ни слышать не хотела ничего о помощи Магнуса, ведь она собралась спасать маму. Теперь придется сидеть у ее койки, держа за вялую руку и надеясь, будто кто-нибудь сумеет выполнить то, что не может выполнить сама Клэри.

На негнущихся ногах она спустилась с крыльца. Люк хотел обнять ее, но Клэри не позволила.

– Мне надо побыть одной.

– Клэри...

Девушка убежала по каменной тропинке, свернув в сад, откуда тянуло гарью, пеплом... и острой, густой вонью демонической магии. Ключья адовой пелены еще цеплялись тут и там за розовый куст или камень. Местами земля была вспахана; у каменной скамьи бурели пятна. Присматриваться к ним не хотелось.

Глянув на стену собора, Клэри застыла. На сером фоне гранита мерцали горячим голубым пламенем следы рун, построенных в прямоугольник и похожих на ореол света у приоткрытой двери.

Портал!

Вспомнив, как грозно засиял на корпусе корабля иной символ, как судно, дрожа, начало разваливаться, впуская в себя темные воды Ист-Ривер, Клэри вздрогнула.

«Это просто руны, – сказала она себе. – Символы, которые и я сумею начертить. Если мама способна запечатлеть на бумаге суть Чаши смерти, то у меня получится навести портал».

Ноги сами понесли ее к стене собора. Рука нащупала в кармане стил. Стараясь унять дрожь в пальцах, Клэри поднесла стержень к стене.

Зажмурившись, принялась выводить линии света. Линии, в которых угадывались переходы и вихри, уносящие вдаль, пути в неведомые страны... Наконец линии соединились в рисунок, прекрасный, как птица в полете. Новая ли получилась руна, старая – не важно. Главное, она есть и работает.

Руна портала.

Клэри чертила по камню, и камень шипел. В ноздри ударил едкий запах оплавленного гранита, а в лицо – жар огня. Перед смеженными веками Клэри голубым пламенем полыхал рисунок. Наконец, глубоко вздохнув, она опустила руку и открыла глаза.

На стене будто расцвел черный бутон. Прямо на глазах он стал распускаться, меняя форму, пока не принял очертания дверного проема – портала – на пару футов выше самой Клэри.

Девушка смотрела в него и не могла оторваться. Внутри вихрилось черное пламя, как и за ширмой у мадам Доротеи. Клэри потянулась к проходу...

И одернула себя, вспомнив, что в портал нельзя входить, не представив четко, куда тебе надо. А ведь Клэри ни разу не бывала в Идрисе... Ей рассказывали о зеленых долинах, темных лесах и кристально чистых озерах, горных пиках и хрустальных башнях города Аликант... Картинку можно представить, но для чар воображения мало. Если только...

Судорожно втянув воздух, Клэри вспомнила: Идрис она уже видела. Во сне. Сон был вещий, совершенно точно, пусть Клэри и не уверена почему. В конце концов Джейс во сне про Саймона сказал: «Здесь не место нежити», дескать, Саймону нельзя оставаться. Вскоре Саймон погиб.

Во сне она, одетая в зеленый бархат, кружилась в танце посреди бальной залы: золотые с белым стены, хрустальная крыша, гранями подобная алмазу, фонтан – серебряная чаша и статуя русалки в центре. За окнами деревья, украшенные гирляндами...

Удерживая в уме картинку, Клэри прикоснулась к темной поверхности. Из-под пальцев брызнули золотые огоньки, как будто отворилась дверца в залитую светом комнату. Перед глазами развернулся золотистый водоворот, и в нем постепенно стали угадываться очертания гор, облаков...

– Клэри! – За нефилимкой мчался Люк, разгневанный и встревоженный одновременно. Позади шел Магнус, и в пламенных отсветах портала его кошачьи глаза казались металлическими. – Клэри, не смей! Барьер отловит тебя! Убьет!

Отступать поздно. По ту сторону портала рос и набирал силу золотой свет, отраженный в стенах зала из сна, искрящийся в хрустале... Люк ошибается, не понимает, как работает дар Клэри. Что такое городской барьер, если ты в рисунке создаешь собственный мир?

– Мне пора! – Вытянув руку, Клэри шагнула в портал. – Прости, Люк...

В последний момент, когда проход готов был взорваться, Люк прыгнул и вцепился в руку Клэри. Их будто подхватил торнадо, вырывающий с корнем деревья. Внизу закрутились-завертелись потоки машин и небоскребы Манхэттена... Тугой порыв ветра зашвырнул Клэри и Люка в окрашенный золотом хаос.

* * *

Саймон очнулся от ритмичного плеска воды. Резко сел, чувствуя, как в груди холодком разливается страх. В последний раз под шелест волн Саймон просыпался, будучи пленником на корабле у Валентина. Этот тихий звук внезапно напомнил о пережитом ужасе.

Быстро оглядевшись, Саймон успокоился. Он не на корабле, а в небольшой комнате: лежит на уютной деревянной кровати, накрытый одеялом; на окне плотные занавески, но света по краям хватает, чтобы оценить бледно-голубой оттенок стен, цветастый ковер на полу и шкафчик с зеркалом на стене.

Сев и приподняв одеяло, Саймон увидел, что на нем по-прежнему джинсы и футболка. У кровати, сидя в кресле и уронив голову на руку, прикорнул гость. Точнее, гостя, чье лицо обрамляют, словно бахромчатая шаль, черные косы.

– Изабель? – позвал Саймон.

Нефилимка вскинула голову и распахнула глаза, как перепуганный чертик из табакерки.

– Ух, ты живой! – Изабель села, откинув с лица волосы. – То-то Джейс обрадуется. Он решил, тебе точно каюк.

– Каюк? – эхом повторил Саймон. – С какой радости?

Вампир огляделся.

– Я в Институте? – спросил он, хотя сразу же понял, что нет. – В смысле, где мы?

– Ты... – переменившись в лице, начала Изабель, – ты ничего не помнишь? – Она потеребила кружевные края обшивки на кресле. – На Институт напали отреченные, целая толпа. Адова пелена мешала нам биться. Магнус сотворил портал, и мы кинулись к проходу. Ты бежал следом и споткнулся... о тело Мадлен. За тобой увязался отреченный, и Джейс не успел его перехватить. Монстр ранил тебя. Джейс, конечно, убил демона, да только ты почти истек кровью. Пришлось Джейсу тащить тебя сюда. – Изабель окончила рассказ так резко, что Саймон не успел сориентироваться. – Мы уже были по ту сторону портала, когда Джейс вынес тебя, всего в крови. Удивились мы здорово! Консул, правда, «спасибо» не сказал.

У Саймона пересохло во рту.

– Отреченный ранил меня? – И Саймон все еще жив? Хотя чего поражаться? Исцелился же, когда Валентин перерезал ему горло! Мотнув головой, Саймон спросил: – Куда меня ранили?

– Сейчас покажу. – Вампир удивиться не успел, а Изабель уже присела на кровать и задрала на нем футболку. Поперек бледного пресса слабо виднелась алая полоска, которая даже на шрам не тянула. – Вот сюда, – провела по ней холодными пальцами Изабель. – Болит?

– Н-нет, – пробормотал Саймон. Повстречав Изабель, он нашел ее необычайно яркой, живой и подумал: вот девушка, что затмит образ Клэри. Правда, когда Саймона обратили в крысу, он испугался: не слишком ли много в Изабель жизни? – Нет, не болит.

– Зато больно моим глазам, – произнес ровный голос с оттенком насмешки. Джейс вошел совершенно незаметно. Закрыв за собой дверь, нефилим ухмыльнулся, глядя, как Изабель спешит прикрыть Саймону живот. – Совращаешь вампира, пока он слаб и не сопротивляется, Из? По-моему, одно правило ты нарушила точно.

– Я показывала Саймону, куда его ранили, – возразила Изабель, хотя суетливость выдавала ее с головой. – Что там внизу? Народ еще на ушах стоит?

Улыбка пропала с лица Джейса.

– Мариза с Патриком ушли в Гард. Конклав не закончил заседание, поэтому Малахи решил: будет лучше, если Мариза сама... все объяснит.

Малахи. Патрик. Гард. Столько незнакомых имен! Голова идет кругом.

– Что объяснит? – спросил Саймон.

Изабель и Джейс переглянулись.

– Твое присутствие, – ответил наконец Джейс. – Мы должны объясниться, в честь чего притащили в Аликант вампира, откровенно нарушив тем самым закон.

– В Аликант? Так мы в Аликанте? – Саймона захлестнула паника, сменившаяся болью в животе. Вампир согнулся пополам, хватая ртом воздух.

– Саймон! – кинулась к нему Изабель. – Что с тобой?

– Уйди, Изабель. – Вампир прижал кулаки к животу, взглянул на Джейса и, умоляя, попросил: – Пусть уйдет.

Оскорбленная в лучших чувствах, Изабель отстранилась от него.

– Вот и уйду. Подавитесь! – Она вскочила и вышла, громко хлопнув дверью.

Джейс посмотрел на Саймона невыразительными янтарными глазами.

– Что такое? Я думал, ты поправился.

Выпростав руку, Саймон остановил нефилима.

– Изабель ни при чем, – прохрипел он, чувствуя металлический привкус в горле. – Мне не больно... просто есть охота. – Щеки горели. – Я чуть не истек кровью, так что... надо возместить потерю.

– Разумеется, – протянул Джейс, будто ему только что сообщили интересный, хотя и не особенно важный научный факт. Однако любопытный тон быстро исчез, уступив место презрению. Если бы не боль, вампир накинудся бы на нефилима, а так оставалось произнести сиплым голосом:

– Пошел ты, Вэйланд!

– Значит, Вэйланд, да? – Усмехаясь, Джейс потянулся к молнии на воротнике куртки.

– Нет! – вскричал Саймон и съехался. – Плевать на голод. Не хочу больше твоей крови.

– Так я и подставился.

Из внутреннего кармана Джейс достал стеклянную флягу, в которой плескалась буровато-красная жидкость. – Я решил, тебе пригодится помощь. Сходил на кухню и выжал сок из нескольких фунтов сырого мяса. Большого предложить пока не могу.

Саймон принял флягу, но руки тряслись, и пришлось Джейсу самому отвинтить крышку. Кровь – жиденькую и солоноватую – кровью-то было стыдно назвать. Пахла она очень несвеже.

– Ф-фу, – скривился Саймон, сделав несколько глотков. – Мертвая.

– Разве не вся кровь, что вы пьете, мертва? – вскинул брови Джейс.

– Чем давнее умерло животное, тем противнее кровь. Лучше пить свежую.

– Ты никогда не пил свежую.

В ответ уже Саймон вскинул брови.

– Моя не в счет, – поправился Джейс. – Хотя на вкус она кошерная, правда?

Отставив пустую флягу на подлокотник кресла, Саймон признался:

– В тебе есть какая-то гнильда. Я про характер.

Во рту все еще ощущался привкус протухшей крови, но боль ушла. Вернулись силы, хорошее самочувствие, словно Саймон принял быстродействующее лекарство. Или героин – унять ломку. – Значит, я в Идрисе.

– В Аликанте, если точнее. В столице и единственном городе Идриса.

Отойдя к окну, Джейс одернул занавеску.

– Пенхоллоу не поверили, будто солнце тебе не страшно, вот и закрыли окна. Подойди и выгляни на улицу.

Поднявшись с кровати и подойдя к окну, Саймон так и замер.

Несколько лет назад мама взяла его с сестренкой в поездку по Тоскане. Выдалась целая неделя макарон и странного хлеба! Да дикие поездки по загороду: мама едва справлялась с «Фиатом», так и норовя врезаться в старинные постройки – на них семья Саймона якобы и приехала посмотреть. Как-то остановились на вершине холма над городком Сан-Джиминьяно: горстка домов цвета ржавчины и устремленные в небо высокие башни. Лучшего сравнения Саймон подобрать не сумел. В то же время вид из окна не походил вообще ни на что, виденное прежде.

Саймон смотрел на улицу из окна самого верхнего этажа довольно высокого строения. Над головой виднелись каменный карниз и кусочек неба. Напротив – здание чуть пониже, а внизу – темный узкий канал со множеством мостков. Плеск воды из него и разбудил Саймона. С виду дом стоял на возвышенности, вдали от каменных домиков медового цвета, которые жались к узким улочкам у зеленого кольца – далеких деревьев в окружении холмов, вместе напоминающих зеленые и бурые полосы, окропленные осенними красками. За холмами началась увенчанная снежными шапками горная гряда.

Однако поистине странными выглядели будто бы случайно расположенные башни – высоченные, со шпильями из серебристого металла, которые словно сияющие кинжалы щеко-тали небо. Из того же материала ковались прочные, похожие на стекло клинки серафимов.

– Сторожевые башни, – ответил Джейс на мысленный вопрос Саймона. – Управляют городским барьером. Пока они стоят, ни один демон не войдет в Аликант.

Местный воздух не пах ничем, не то что в Нью-Йорке: ни тебе смога, ни вони металла или потных тел. Только воздух, и все. Саймон вдохнул полной грудью, хотя нужды в том не испытывал. Просто вампир в Саймоне еще не поборол человека.

– Скажи, что не хотел брать меня сюда. Скажи, что не хотел вот так разубедить Клэри.

Джейс не обернулся. Он резко выдохнул, будто собирался сказать что-то и передумал.

– Конечно, я лично сотворил банду отреченных и привел их в сад Института, чтобы демоны убили Мадлен и остальных. Лишь бы Клэри не показывалась в Идрисе. И – о чудо! – мой дьявольский план сработал!

– В самом деле, сработал. Разве нет?

– Послушай-ка, вампир! Да, я хотел удержать Клэри от похода в Идрис, но тебя сюда затаскивать не думал. Останься ты в саду истекать кровью, отреченные добились бы тебя.

– Чего тогда сам не задержался и не прикрыл?

– Чтобы мы оба погибли? Отреченных пришлось слишком много. Да еще адова пелена... Даже я не могу отбиться от сотни монстров.

– И тебе из-за этого стремно, да?

– Ты хоть и нежить, – без интонации сказал Джейс, – а все-таки падла. Я тебе жизнь спас и нарушил Закон. Не в первый раз, хочу заметить. Мог бы «спасибо» сказать.

– «Спасибо»?! – Пальцы сами сложились в кулаки. – Если бы не ты, меня бы здесь не было. Вытащил меня в Институт... Я на путешествия не подписывался!

– Подписывался. Ты же согласен на все ради Клэри? Вот оно, «все ради нее».

Саймон едва сдерживал гнев.

– Эй! – постучалась Изабель. – Саймон, ты отвыступался? Мне надо с Джейсом поговорить.

– Входи, Иззи, не бойся, – разрешил Джейс, не сводя глаз с вампира. Своим гневом он как будто электризовал воздух. Заметив во взгляде Джейса перемену, Саймон отчаянно захотел садануть соперника по голове чем-нибудь поувесистей. Грузовичком, например, как у Люка.

Изабель вихрем ворвалась в комнату, взлетели черные кудри, взметнулись складки пышной серебристой юбки... Лиф кремового цвета оставлял обнаженными плечи и руки, покрытые руническими татуировками... Отличная смена имиджа – где, как не в Аликанте, знаки будут смотреться естественно!

– Алек собирается в Гард, – сразу в лоб сообщила Изабель. – Но сначала хочет поговорить с тобой о Саймоне. Спустишься?

– Конечно, – ответил Джейс и пошел к двери. На полпути он понял, что Саймон идет следом, и резко развернулся: – Ты остаешься.

– Еще чего! Если речь обо мне, я должен присутствовать.

В какой-то момент Саймону показалось, что ледяной щит спокойствия Джейса даст трещину: нефилим покраснел, глаза его загорелись. Однако Джейс проявил усилие над собой, и гнев испарился так же быстро, как закипел.

– Ну идем, вампир, – процедил нефилим с натянутой улыбкой. – Познакомлю тебя с нашей семейкой.

* * *

Первый переход сквозь портал походил на полет или свободное падение. Сейчас Клэри словно очутилась в сердце торнадо. Ревущий ветер хлестал ее, стремясь вырвать из хватки Люка и закручивая обоих – и оборотня, и девушку – в водовороте черного и золотого.

Впереди возникло нечто плотное и блестящее, похожее на зеркало. Закричав еще громче, Клэри закрылась руками. Потом был удар, жуткий холод. Воздух исчез. Клэри тонула в чем-то синем и темном, пытаясь дышать и втягивая в легкие еще больше пронзительного холода...

Вдруг ее схватили за шкуру и повлекли вверх. Ослабевшая Клэри пробовала лягаться – не вышло. Постепенно темно-синее сменилось голубым, а после – золотым. Клэри вынырнула и вздохнула... то есть попыталась вдохнуть морозный воздух. Получилось только закашляться; перед глазами мелькали черные точки. Клэри быстро волокли по воде; за ноги и руки цеплялись водоросли. Перевернувшись, нефилимка с ужасом заметила, что тащит ее существо – не человек и не волк, – у которого острые, словно кинжалы, уши и белые длинные клыки. Клэри хотела закричать, но из горла полилась вода.

В следующее мгновение жуткое создание выбросило ее на берег, перевернуло лицом на утопанную землю и, схватив поперек живота, принялось дергать – до тех пор, пока Клэри не вырывало горьким потоком воды.

Упав на спину, Клэри все еще хрипела. Люк – темный, уже человеческий силуэт на фоне голубого неба с редкими облачками, – яростно схватил ее за плечи и затряс. Наконец девушка вздохнула и попыталась вяло оттолкнуть его.

– Люк! Прекрати! Больно.

Люк схватил ее рукой за подбородок и приподнял голову.

– Все? – Оборотень пристально взгляделся в лицо девушки. – Всю воду выкашляла?

– Вроде да, – просипела Клэри.

– Где стило? – Не дождавшись ответа, Люк надавил: – Клэри! Где стило? Найди его.

Клэри принялась лихорадочно рыться в карманах, но пальцы натыкались только на промокшую подкладку.

– Выронила. – Клэри виновато посмотрела на Люка. – В озере. Это ведь, – всхлип, – мамино стило...

– Господи, Клэри! – Люк встал и растерянно схватился за голову. Вода стекала с него тугими струйками. Очки куда-то подевались. Мрачно посмотрев на Клэри, Люк спросил в утвердительном тоне: – Ты цела? Как себя чувствуешь? Не поранилась?

Мотнув головой, Клэри поинтересовалась:

– Люк, а зачем стило?

Оборотень не ответил. Лишь огляделся, словно ожидая отыскать помощь где-то поблизости. Клэри проследила за его взглядом. Портал перебросил их на берег довольно крупного озера: бледно-голубая поверхность, сбрызнутая там и сям солнечными бликами. Не их ли приняла Клэри за источник золотого сияния? Само озеро больше не пугало глубиной, теперь, когда Клэри сидела на берегу, окруженном зелеными холмами и редкими деревьями, листья на которых только-только начинали желтеть и краснеть. Позади холмов высились заснеженные горы.

Вздвогнув, Клэри спросила:

– Люк, когда мы были в воде, ты обернулся волком? Я вроде видела...

– Волк во мне плавает лучше человека, – ответил Люк. – И тащить тебя так проще, ты ведь и не думала помогать.

– Знаю. Прости. Я не хотела брать тебя сюда.

– Если б не я, ты бы утонула. Магнус предупреждал: нельзя пройти в Город стекла, если по ту сторону тебя никто не встречает!

– Он говорил, что проникновение нелегально. И не сказал, что меня вышвырнут из города.

– Зато говорил о барьере, не дающем навести портал без согласия Конклава. Разве Магнус виноват, что тебе вздумалось побаловаться магией, о природе которой ты толком не знаешь ничего? Сила есть, ума не надо? – рявкнул оборотень.

– Извини, – задавленно произнесла Клэри. – Просто... А где мы?

– На озере Лин. По ходу дела, портал выплюнул нас недалеко от Аликанта. Мы у самых его границ. – Оглядевшись, Люк покачал головой, переживая смесь усталости и восхищения. – Клэри, у тебя получилось. Мы все-таки в Идрисе!

– В Идрисе? – переспросила Клэри, поднимаясь на ноги и бестолково глядя в безмятежное голубое око Лин. – Ты... ты сказал, мы у границ города. Где же он?!

– До него еще мили, – указал направление Люк. – Видишь те холмы? Город по другую сторону от них. На машине добрались бы до Аликанта за час, пешком идти придется весь день. – Прищурившись, оборотень посмотрел на небо. – И лучше поторопиться.

Клэри оглядела себя. Целый день шагать в промокшей насквозь одежде? Много радости!

– А нет ли другого?..

– Другого пути? – неожиданно зло подсказал Люк. – Ну, предлагай. Умница такая, затащила нас сюда. Вон там, – указал он на заснеженные пики, – пройти можно только посреди лета. Попытаемся перевалить через горы сейчас – замерзнем насмерть. – Указав в противоположную сторону, Люк продолжил: – Там леса, они тянутся на мили, до самой границы, и необитаемы. По крайней мере, людей не встретишь. За Аликантом – села. Если даже получится выйти из Идриса, то все равно придется проходить через город. Город, где, доложу я тебе, нежить вроде меня не очень-то любят.

Клэри посмотрела на него, раскрыв рот.

– Люк, я не знала...

– Конечно, не знала! Ты вообще об Идрисе ничего не знаешь! Тебе плевать на него. Ты как ребенок, осталась одна, брошенка, и психанула. Куковать нам теперь здесь, мерзнуть! И вообще... – Он осекся. Лицо приняло выражение каменной твердости. – Ладно, пошли уже.

Пристыженно молча, Клэри шагала вдоль кромки озера, едва поспевая за длинноногим Люком. Солнце вскоре высушило волосы и кожу, однако бархатный плащ держал воду, словно губка, повиснув на плечах как свинцовая накидка. Сколько ни пыталась Клэри заговорить, Люк молчал, партизан партизаном. Видимо, косяк вышел не в меру большой, ведь раньше гнев Люка удавалось смягчить простым извинением.

Горы постепенно становились выше. На склонах Клэри заметила черные точки, похожие на чернильные пятна. Приглядевшись, она разглядела пещеры и тут же представила себе летучих мышей, гадких ползучих тварей в темноте... Фу, мерзость!

Наконец узенькая тропинка вывела через скалы к широкой дороге, обрамленной каменным крошечным. Темно-синее озеро осталось далеко позади, а дорога петляла через плоскую долину, поросшую травой и плавно переходящую в холмы.

Города как не было, так и нет. У Клэри опустилось сердце.

– Мы еще дальше от Аликанта, чем я рассчитывал, – признался Люк, разочарованно глядя на холмы. – Давно я тут не бывал...

– Может, найдем дорогу побольше? Доедем до города автостопом? Или...

– Клэри. В Идрисе машин нет. – Увидев потрясение на лице девушки, Люк невесело рассмеялся. – Башни выводят из строя всю технику. Сотовые, компьютеры – все ломается. В самом Аликанте свет – и энергию – получают из ведьминоного огня.

– О... – тихо протянула Клэри. – А... далеко мы от города, не знаешь? Хоть примерно?

– Очень далеко. – Не глядя на Клэри, Люк запустил пальцы в шевелюру. – Я забыл тебе рассказать кое-что.

Клэри подобралась. Совсем недавно она пробовала разговаривать Люка, но теперь боялась слушать его.

– Все хорошо...

– Ты не заметила: на озере нет лодок, причалов? Ничего, что выдавало бы присутствие идрисцев?

– Оно в глуши, может, поэтому...

– Не в такой уж оно и глуши. От Аликанта до Лин пешком всего несколько часов. Дело в том, что... – Люк тяжело вздохнул. – Помнишь рисунок на полу библиотеки Института?

– Заметила, – прищурилась Клэри. – Только не разобрала.

– Ангел восстает из озера, держа в руках Чашу и Меч. Рисунок повторяет мотив нефилимовских украшений. По легенде, ангел Разиил явился Джонатану, первому из нефилимов, восстав из озера Лин, и принес ему Орудия смерти. С тех пор озеро считается...

– Священным?

– Проклятым. Воды озера ядовиты для Сумеречных охотников. Нежити они не страшны. Дивный народец называет озеро Лин Зеркалом снов и пьет из него, чтобы узреть истину. Однако если из Лин выпьет Сумеречный охотник, у него начнутся галлюцинации, бред... Нефилим сходит с ума от озерной воды.

Клэри ощутила озноб во всем теле.

– Ты поэтому заставил всю ее выплюнуть?

Люк кивнул.

– И еще: почему, думаешь, я просил отыскать стило? Начертив исцеляющую руну, ты остановила бы отравление. Теперь придется идти в Аликант, искать лекарства. Я, впрочем, знаю, у кого спрашивать.

– У Лайтвудов?

– Нет, – твердым голосом сказал Люк. – Есть еще кое-кто. Один давний знакомый.

– Кто он?

Люк покачал головой:

– Ты только молись, чтобы за прошедшие пятнадцать лет он никуда не делся.

– Ты же говорил, в Аликант нежити хода нет.

Улыбнувшись, оборотень напомнил старину Люка, того, который берег малютку Клэри, не давая свалиться с «лазилки» во дворе.

– Порой законы принимают для того, чтобы их нарушать.

* * *

Дом Пенхоллоу, точно как собор в Нью-Йорке, будто происходил из иной эпохи. Узкие залы и лестницы, всюду камень и темное дерево; стрельчатые окна с видом на город. В обстановке – отчетливый азиатский дух: скользящие двери-содзи на первом этаже, китайские лакированные вазы на подоконниках, шелковые картины на стенах с сюжетами из мифов о Сумеречных охотниках (написанные на причудливый восточный манер военачальники с клинками серафимов и красочные пучеглазые, драконообразные демоны).

– Миссис Пенхоллоу, Цзя, некогда руководила Институтом в Пекине. Теперь проводит время попеременно здесь и в Запретном городе, – пояснила Изабель Саймону, который задержался посмотреть на картину. – Пенхоллоу – семья древняя. И очень богатая.

– Заметно, – сказал Саймон, задрав голову и рассматривая хрустальную люстру с гранеными висюльками.

Джейс, отставший на шаг, буркнул:

– Двигай давай. Не на экскурсии.

Взвесив грубое замечание, Саймон решил не отвечать. Оставшиеся ступеньки он преодолел быстрым шагом и вошел в просторную комнату, совмещающую черты старого и нового: венецианское окно с видом на канал и музыка из невидимых колонок. Саймон, правда, не заметил ни телевизора, ни стоек с дисками, без которых не представлял комфорта. Только пухлые диванчики у пылающего камина.

У очага Алек в боевом облачении натягивал перчатки. Глянув на Саймона, он привычно нахмурился.

На диванчиках сидели двое: парень и девушка. Во внешности девушки Саймон заметил азиатские черты: утонченные миндалевидные глаза, блестящие черные волосы, а еще – проказливое выражение лица. Изящный подбородок у нее заострялся, словно у кошечки. Не красавица, но глаз не отвести!

Парень выглядел еще поразительней. Ростом примерно с Джейса, даже чуть выше, стройный, мускулистый; бледное и напряженное лицо, очень широкие скулы. Где-то Саймон его прежде видел.

Первой заговорила девушка:

– Так это он, тот самый вампир? – Она оглядела Саймона с головы до пят, словно говоря о вампирах, она имела в виду их пропорции. – Никогда еще не подпускала вампира так близко к себе. Разве что для удара. – Склонив голову набок, она заметила: – Для нежити симпатичный.

– Прости, – улыбнулся парень, поднимаясь с дивана. – У нее внешность ангела, а манеры как у Молоха. – Он протянул Саймону руку: – Меня зовут Себастьян. Себастьян Верлак. Моя кузина – Алина Пенхоллоу. Алина...

– Я нежити руки не подаю, – откинулась на подушки девушка. – Они ведь бездушны, эти вампиры.

Улыбка Себастьяна растаяла.

– Алина...

– Я же права. Кровососы потому и не отражаются в зеркале, и под солнцем не ходят.

Очень медленно, показательно Саймон отступил в лужицу света, льющегося через окно. Затылком почувствовал горячий поцелуй солнца. Тень вампира – очень плотная – протянулась до самых ног Джейса.

Алина вздрогнула, но промолчала. Вместо нее, глядя на Саймона любопытными темными глазами, заговорил Себастьян:

– Так это правда? Лайтвуды предупредили меня, однако я не поверил...

– Не поверил нам? – спросил Джейс. – О таких вещах мы лгать не привыкли. Саймон... уникален.

– Я с ним даже целовалась, – ляпнула Изабель.

Брови Алины поползли вверх.

– Тебе и правда все сходит с рук? – спросила она в ужасе и с завистью одновременно. – Прежде, Иззи, ты бы и не подумала...

– В прошлый раз, когда вы виделись, Иззи было восемь лет, – напомнил Алек. – Со временем люди меняются. Ладно, матери пришлось срочно покинуть нас, поэтому кто-то должен наведаться в Гард. Я тут единственный совершеннолетний, и значит, идти мне. Пока еще Конклав не разошелся.

– Знаем, знаем. – Изабель плюхнулась на подушки дивана. – Ты уже раз пять говорил.

Напустив на себя очень важный вид, Алек издевку словно бы не заметил.

– Джейс, вампира сюда притащил ты, тебе за ним и следить. Никуда из дома не выпускай.

Вампир, вампир... Как будто у Саймона имени нет. Он ведь спас Алеку жизнь! Парню, конечно, свойственна беспричинная угрюмость и замкнутость, но «вампир» – это уж слишком. Или он такой только в Идрисе? Нефилизм выпячивает?

– Ты за этим меня звал? Сказать, чтобы я следил за вампиром? Мог бы не напоминать, – сказал Джейс, присаживаясь подле Алины. Девушке соседство польстило. – Лучше беги в Гард и поторопись обратно. Мало ли как мы без старших безобразничаем.

Смерив Джейса холодным взглядом, Алек велел:

– На тебе – порядок. Через полчаса буду. – Сказав так, он вышел через арку, за которой тянулся длинный коридор. Наконец вдалеке хлопнула парадная дверь.

– Не искушай его. – Изабель строго посмотрела на Джейса. – Алека и правда старшим оставили.

Саймон невольно заметил, что Алина сидит вплотную к Джейсу. Их плечи соприкасались, хотя на диване еще полным-полно места.

– В прошлой жизни, – обратился Джейс к Алине, – Алек, наверное, был сварливой старухой. Прикармливал девяносто кошек и гонял с лужайки соседских детей. – Алина захихикала. – Ему, видите ли, дозволено пойти в Гард...

– Что за Гард такой? – спросил Саймон, уставший от обилия непонятных названий.

Джейс посмотрел на него холодным, недружелюбным взглядом. Накрыв своей рукой руку Алины, которую та положила себе на бедро.

– Присядь. – Джейс кивнул в сторону кресла. – Или ты хотел в углу повиснуть вверх ногами?

Приехали, уже летучей мышью дразнят. Смущенный, Саймон опустился в кресло.

– В Гарде собирается Конклав. – Себастьян, видимо, сжалился над Саймоном. – Там же принимаются законы. Это резиденция Инквизитора и Консула. На территорию Гарда, пока идет собрание, входить можно лишь совершеннолетним Сумеречным охотникам.

– Собрание? – вспомнил Саймон. – Не из-за меня, надеюсь?

– Нет, – рассмеялся Себастьян. – Из-за Валентина и Орудий смерти. Конклав пытается предугадать дальнейшие действия врага.

Услышав имя Валентина, Джейс напрягся.

– Ну, – сказал Саймон, – он, наверное, хочет достать Зеркало, третье из Орудий смерти? Оно в Идрисе, так? Вот и устроили собрание?

Повисла короткая пауза, нарушила которую Изабель:

– Фишка в том, что никто не знает, где Зеркало. Никто даже не знает, как оно выглядит.

– Зеркало есть зеркало. Ну, мордоглядик. Я так думаю.

– Изабель хочет сказать, – мягко произнес Себастьян, – что о Зеркале никто толком ничего не знает. О нем часто упоминается в хрониках, и при этом не сказано, как оно выглядит, где оно и, самое главное, на что способно.

– Мы думаем, Валентин ищет Зеркало, – продолжила Изабель. – Правда, толку от догадок мало. Никто же не знает, где оно. О третьем Орудии могли поведать Братья молчания, однако Валентин перебил их. Остается гадать.

– Перебил всех братьев? – удивился Саймон. – Разве не один нью-йоркский орден?

– Город костей на самом деле не в Нью-Йорке. Он... ну, помнишь вход в Благословенный двор через Центральный парк? Вход в парке не означает, что и само королевство фей находится там же. Так и с Городом костей, куда ведет много ходов.

Изабель не договорила – Алина шикнула на нее и резким жестом велела молчать.

Саймон посмотрел на Алину, затем на Джейса и Себастьяна. Нефилимы хранили одно и то же обеспокоенное выражение лиц. Сообразили, что Изабель выбалтывает секреты. Не врагу, конечно, хотя доверять нежити нефилим права не имеет.

Первой тишину нарушила Алина. Посмотрев на Саймона прелестными темными глазами, она спросила:

– Ну, и каково быть вампиром?

– Алина! – всполошилась Изабель. – Нельзя вот так спрашивать, каково быть вампиром!

– Почему? Он стал вампиром не так давно. Должен еще помнить, каково быть человеком. – Алина снова посмотрела на Саймона. – Как тебе кровь? Как прежде или иначе? Вроде апельсинового сока? По мне, так вкус крови...

– На вкус как цыплетина, – ответил Саймон, просто чтобы Алина отстала.

Девушка намека не поняла:

– Правда?

– Он подтрунивает над тобой, – вмешался Себастьян. – И я его понимаю. Еще раз, Саймон, прошу простить мою кузину. Те из нас, кто воспитан вне Идриса, к нежити относятся немного терпимей.

– Разве ты сам не рос в Идрисе? – спросила Изабель. – Твои родители вроде...

– Изабель, – одернул ее Джейс, но было поздно. Себастьян помрачнел.

– Мои родители мертвы. Все случилось у гнезда демонов в Кале... Ладно, забудем, давно это было, – отмахнулся Себастьян, когда Изабель попыталась выразить сочувствие. – Меня вырастила в парижском Институте тетушка, сестра отца Алины.

– Ты говоришь по-французски? – вздохнула Изабель. – Вот бы мне иностранный язык выучить! Ходж говорил, с нас хватит древнегреческого и латыни. Кто на них говорит-то?!

– Еще я знаю русский, итальянский и немного румынский, – скромно улыбнувшись, добавил Себастьян. – Могу научить фразе-другой.

– Румынский? Круто, – заметил Джейс. – Им не так много народу владеет.

– А ты? – заинтересовался Себастьян.

– Не особенно. – Джейс улыбнулся так обезоруживающе, что Саймон понял: врет, гад. – Мой румынский состоит из оперативных фраз типа: «Эти змеи не ядовиты?» и «Вы слишком молоды для офицера полиции».

Себастьян не улыбнулся. Было в его внешней мягкости и спокойствии нечто, что выдавало внутреннее несоответствие маскировке.

– Обожаю путешествовать, – сказал Себастьян, не сводя глаз с Саймона. – Впрочем, в гостях хорошо, а дома-то лучше, правда?

Джейс, игравший с пальчиками Алины, прервался.

– Что ты имеешь в виду?

– Нет места, подобного Идрису. И не важно, где мы, нефилимы, еще строим себе дом. Я не прав?

– Очень даже прав, – нетерпеливо сказала Изабель. – Джейс любит притворяться, будто не понимает, когда говорят о нем.

– Да, речь о нем. – Себастьян даже под прямым взглядом Джейса оставался невозмутим, отчего Саймон преисполнился неожиданной симпатией к темноволосому нефилиму. Не всякий сумеет игнорировать насмешки Джейса. – В Идрисе больше и тем для разговоров нет, кроме как о тебе, Орудиях смерти, твоей младшей сестренке и отце...

– С вами же Кларисса собиралась! – вспомнила Алина. – Я так хотела познакомиться с ней. Где она?

В лице Джейс не изменился, но руку Алины выпустил. Сжав пальцы в кулак, он ответил:

– Кларисса не захотела покидать Нью-Йорка. У нее мать в больнице.

«У нее мать»... Никогда не скажет «наша мать».

– И правда, странно, – заметила Изабель. – Я-то думала, Клэри хочет с нами.

– Она и хотела, – вставил Саймон. – Просто...

Джейс вскочил на ноги, да так быстро, что Саймон и не заметил.

– Я тут вспомнил, мне с Саймоном надо кое-что обсудить. С глазу на глаз. – Гневно сверкая взглядом, он ткнул в сторону двойных дверей в дальнем конце комнаты. – Идем, вампир. – Тон Джейса подразумевал, что за отказ будут бить. – Поговорим.

3. Аматис

Полдень давно миновал, и Люк с Клэри оставили озеро Лин далеко позади. Они шагали по широкому, бескрайнему зарослям высокой травы. Время от времени ровная поверхность переходила в холм, увенчанный черными камнями. Клэри порядком утомилась от бесконечных подъемов и спусков; подошвы скользили по влажной траве, словно по гладкому мрамору. К тому времени, как поля все же закончились и началась узкая грунтовая дорога, ладони, вымазанные в соку трав, кровоточили.

Люк уверенно шагал впереди, указывая время от времени на что-нибудь интересное и комментируя находку голосом самого печального в мире гида.

– Мы пересекли равнину Брослин, – сказал оборотень, одолев подъем и увидев темную гущу деревьев до самого горизонта на западе. Солнце клонилось к закату. – Впереди – лес. Когда-то деревья покрывали большую часть равнин. Люди их вырубали, расчищая дорогу до Аликанта да изводя волчьи стаи и вампирские гнезда. Лес Брослин – излюбленное укрытие нежити.

Дорога по кромке леса растянулась на многие мили, пока наконец не сделала резкий поворот и пошла в гору. Обойдя холм, Клэри долго моргала, не веря глазам. Впереди она увидела ряды белых домиков, аккуратных и миниатюрных, словно в каком-нибудь селении страны Оз.

– Мы пришли! – закричала Клэри и помчалась вниз. Остановилась она, только заметив, что Люк за ней не бежит.

Оборотень стоял посреди пыльного тракта и качал головой.

– Нет. – Он наконец спустился. – Это не город.

– А может, городок? Ты говорил, по пути городков не встретится...

– Погост. Аликантский Город костей. Или ты думала, что тот самый Город костей – единственное место упокоения? – Голос Люка звучал грустно. – Это некрополь, здесь хоронят умерших в Идрисе. Придется пройти через него, чтобы попасть в Аликант.

Последний раз Клэри была на кладбище, когда умер Саймон. Ступая по узкой тропинке, выходящей меж мавзолеев, словно белая лента, девушка чувствовала, как страх пробирает до мозга костей. За погостом явно ухаживали: трава подстрижена, мрамор сверкает, будто свежестропированный. Тут и там на надгробиях лежали букеты белых цветов. Клэри поначалу приняла их за лилии, но запах от букетов исходил незнакомый и пряный. Может, такие цветы растут только в Идрисе? Могила походила на небольшие домики с железными или коваными воротами; на дверцах значились родовые имена: «КАРТРАЙТ», «МЕРРИВЕЗЕР», «ХАЙ-ТАУЭР», «БЛЭКУЭЛ», «МИДУИНТЕР». У последнего – «ЭРОНДЕЙЛ» – Клэри задержалась.

– Так звали Инквизитора, – вспомнила она, посмотрев на Люка.

– Это могила ее семьи, – ответил Люк. – Смотри, – указал он на буквы, высеченные в сером мраморе у дверцы. «МАРКУС ЭРОНДЕЙЛ», «СТИВЕН ЭРОНДЕЙЛ». Оба умерли в один год. Как бы Клэри ни презирала Инквизитора, в груди шевельнулся червячок жалости. Потерять и мужа, и сына почти в одно время... Под именем Стивена была еще надпись, латинская: «AVE ATQUE VALE».

– Что это значит?

– «Здравствуй и прощай», – перевел оборотень. – Слова из поэмы Катулла³. В какой-то момент нефилимы стали так обращаться к тем, кого хоронят, или к павшим на поле боя. Ладно, идем. Нашли тему для разговора.

³ Гай Валерий Катулл (87–54 гг. до н. э.) – главный представитель римской поэзии эпохи Цезаря и Цицерона.

Положив руку на плечо Клэри, Люк бережно отвернул ее от могилы.
Может, Люк и прав. Не стоит думать о смерти.

Пока шагали через некрополь, Клэри старалась не смотреть на могилы. У самых ворот она заметила небольшой мавзолей, словно поганка, торчащий в тени раскидистого дуба. Имя над дверцей бросилось в глаза, будто неоновая вывеска.

«ФЭЙРЧАЙЛД».

– Клэри, – позвал Люк.

Девушка шмыгнула в тень и стояла там, словно пригвожденная, читая имена дедов и прадедов, о которых ни разу не слышала: «АЛОИЗИЙ ФЭЙРЧАЙЛД», «АДЕЛЬ ФЭЙРЧАЙЛД, УР. НАЙТШЕЙД», «ГРЭНВИЛЛЬ ФЭЙРЧАЙЛД» и в самом низу: «ДЖОСЛИН МОРГЕНШТЕРН, УР. ФЭЙРЧАЙЛД».

Клэри сковало холодом. Увидев могилу матери, она как будто перенеслась в давние кошмары: идут похороны мамы, но никто не хочет говорить, что случилось и отчего Джослин погибла.

– Мама жива, – сказала Клэри, глядя на Люка. – Она не...

– Конклав не знает, – мягко произнес Люк.

Клэри не слышала и не видела оборотня, хотя тот стоял прямо перед ней. А видела Клэри неровный холм, из которого, словно обломанные кости, торчали могильные камни. Корявая надпись на черном надгробии гласила: «КЛАРИССА МОРГЕНШТЕРН, 1991–2007», и под ней – нарисованный детской рукой череп с пустыми глазницами.

Взвизгнув, Клэри попятилась.

– Что? Что случилось? – поймал ее за плечи Люк.

– Вон... там... – указала нефилимка на собственную могилу.

Странно, плита исчезла, и перед Клэри вновь лежал ровный, ухоженный погост.

– Я видела свою могилу. Я умерла в этом году.

Ее передернуло.

– Озерная вода начала действовать, – мрачно проговорил Люк. – У тебя галлюцинации. Идем, осталось мало времени.

* * *

Джейс повел Саймона вверх по лестнице, а после – по короткому коридору с дверьми. Открыв одну из них, Джейс сказал:

– Сюда, – и втолкнул вампира в подобие библиотеки с рядами книжных полок, длинными диванами и креслами. – Нам не помешают...

Он не договорил, увидев, как из кресла нервно вскочил маленький мальчик: каштановые волосы, очки, серьезное лицо и книжка в руке. В книжке Саймон угадал выпуск какой-то манги. Слишком хорошо он был знаком с литературными пристрастиями Клэри.

– Прости, Макс, – нахмурился Джейс. – Комната нужна нам. Будет взрослый разговор.

– Из зала прогнали Иззи и Алек. У них там тоже взрослые разговоры, – пожаловался Макс. – Куда мне податься прикажешь?

Джейс только плечами пожал:

– Найди куда. – Указал большим пальцем на дверь и велел: – Пора уже трудиться на благо родины, пацан. Вали давай!

Раздосадованный, Макс поплелся к выходу, прижимая к груди выпуск манги. Саймон почти жалел мелкого: фигово, когда ты вырос и хочешь знать, что вокруг происходит, а все тебя куда-то посылают. Проходя мимо Саймона, мальчик глянул на него подозрительно. «У-у, вампирюга», – говорил этот взгляд.

– Не стой,ходи, – поторопил Саймона Джейс. Он закрыл за Максом дверь, и в комнате стало темновато, даже для Саймона. Пахло пылью. Джейс прошел в дальний конец комнаты и раздвинул занавески, за которыми было венецианское окно с видом на канал. Вода с плеском ударялась о самые стены дома, всего в нескольких футах под окном, за обветренными резными перилами из камня. Узор на перилах изображал руны и звезды.

Джейс хмуро посмотрел на Саймона:

– Какого хрена, вампир? Что не так?

– У меня? Ты приволок меня сюда.

– Иначе бы ты раскололся, типа Клэри собиралась в Идрис. Знаешь, что тогда начнется? Ее вызовут сюда, приведут насильно. А я тебе говорил, почему этого допускать нельзя.

Саймон покачал головой:

– Я тебя не пойму. То действуешь так, будто, кроме Клэри, тебя ничто не волнует, то...

Джейс смотрел на вампира. В столбе света плясали пылинки, образуя подобие занавеси между парнями.

– То – что?

– Флиртуешь с Алиной. Непохоже, что Клэри для тебя важнее всего.

– Не твое дело, вампир. Тем более Клэри мне сестра. Сам знаешь.

– То же самое было при дворе фей. Я помню слова королевы: «Девушку освободит поцелуй, которого она желает больше всего на свете».

– Помнишь, помнишь... Эти слова у тебя в мозгу выжжены, да, вампир?

Неожиданно для себя Саймон издал глубокий гортанный звук.

– Зачем спорить? Я не соперничаю с тобой за Клэри. Это глупо.

– Тогда почему говоришь подобные вещи?

– Потому, – проговорил Саймон. – Если хочешь, чтобы я лгал – не Клэри, а всем твоим друзьям-Охотникам, – будто Клэри расхотела идти в Идрис, и если хочешь, чтобы я притворился, что якобы не знаю о ее силе и истинных способностях, то придется оказать мне кое-какую помощь.

– Прекрасно, – ответил Джейс. – Чего изволите?

Некоторое время Саймон смотрел мимо Джейса на ряды каменных домов у канала, на торчащие поверх крыш с бойницами хрустальные башни.

– Ты любым доступным способом убедишь Клэри, что не любишь ее. И не говори – достало уже, – будто ты ее брат. Я помню. Хватит обманывать Клэри. Совместного будущего у вас нет. Да, Клэри мне самому нравится, но говорю я как друг, который не желает ей боли.

Джейс опустил взгляд себе на руки. На изящные пальцы, сбитые костяшки и тонкую белую паутинку на тыльных сторонах ладоней. Руки не мальчика – воина.

– Я уже говорил. Сказал, что буду Клэри только братом.

– А-а... – произнес Саймон. Вот тебе раз, Джейс моментально сдался! Новый Джейс заставил Саймона устыдиться своего требования. Клэри не говорила о вердикте Джейса... да и с чего ей признаваться? В последнее время стоит кому-то упомянуть имя брата, как она становится тихой, замыкается в себе. – Значит, с этим решено. Остался последний момент.

– Да? – без энтузиазма спросил Джейс. – Ну, говори?

– Что сказал Валентин на корабле, когда Клэри начертила руну? Вроде на иностранном? Меме что-то там...

– Мене, мене, текел, упарсин, – слегка улыбаясь, поправил его Джейс. – Неужели не узнаешь? Слова из Библии, вампир. Из старой. Твоя ведь книга?

– Я, может, и еврей, но это не значит, что у меня в голове хранится Ветхий Завет.

– Такова была надпись на стене: «Исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ты взвешен на весах и найден очень легким»⁴. Знамение судьбы, предвещающее конец империи.

– А Валентин тут при чем?

– При делах все мы. Талант Клэри перевернет представление Конклава и закона о мире. Ни один человек не в силах создать новую руну или начертить одну из тех, какие сотворила Клэри. Подобное под силу ангелам, и раз уж Клэри наделена такой мощью, значит, мир меняется. Законы меняются. Вот тебе и знамение. То, что прежде являлось верным, верным быть перестает. Восстание ангелов принесло конец привычному миру, расколов небеса надвое и создав преисподнюю. Теперь измениться могут нефилимы. Идет небесная война, вампир, и победит только одна сторона. Мой отец считает победу своей.

* * *

Воздух был холоден, и плащ не просох, но Клэри порядком взмокла, пот стекал с нее градом. Под быстро темнеющим небом Люк тащил девушку за руку. Впереди уже показался Аликант: город стоял в тенистой долине, разделенный надвое серебристой лентой реки. Она входила в город и словно пропадала, выходя по ту его сторону. К крутому склону холма жались домики: медового цвета стены и крыши красной черепицы, темные крутоизогнутые улочки, а на вершине холма – строение из темного камня, с виду невесомое и снабженное колоннами. С севера, юга, востока и запада от него стояло по сверкающей башне. Точно такие стояли между домами – изящные, высокие, словно выточенные из кварца, этакие гигантские стеклянные иглы, нацеленные в небо. Лучи заходящего солнца высекали из башен блеклые радуги, как спичка высекает искры из коробка. Глядя на них, Клэри испытывала одновременно и радость, и неприязнь.

– Если не видел Аликанта и его хрустальных башен, считай, не видел города вообще.

– Что-что? – спросил Люк. – Ты что-то сказала?

Клэри сама не заметила, как процитировала поговорку вслух. Смутившись, она повторила.

– От кого ты ее слышала? – удивился Люк.

– От Ходжа. Он говорил нечто подобное.

Присмотревшись к нефилимке, Люк заметил:

– Ты вся красная. Как себя чувствуешь?

Шея болела, начался жар, во рту пересохло, однако Клэри просто ответила:

– Все хорошо. Давай уже дойдем до города.

– Ладно. – Люк указал на границу Аликанта. Там, где заканчивались здания, стояла изогнутая арка. В ее тени нес вахту Сумеречный охотник. – Это Северные врата, через которые дозволено входить нежити. Если, конечно, есть письменное разрешение. Прибудь мы по делу, официально, и имейся у нас подписанная кем надо бумажка, мы прошли бы через них.

– Вокруг города нет стен. – Клэри тоже указала в сторону арки. – Какие же это врата?

– Барьер невидим, но он есть. Стоит под управлением башен вот уже тысячу лет. Сама почувствуешь на себе его силу. – Оборотень посмотрел на Клэри, задержав взгляд на сморщенных уголках глаз. – Готова?

Клэри кивнула, и Люк пошел прочь от врат, мимо восточной стороны города, где здания стояли особенно густо. Возле узкого прохода меж двух домов он знаком велел девушке ступать как можно тише и повел ее вперед. Клэри зажмурилась, ожидая удара о невидимую стену, но вместо этого шарахнуло давлением – как в падающем самолете. В ушах громко чпокнуло, и вот Клэри уже стоит в переулке.

⁴ Дан., 5:26–27.

Здесь, совсем как в любом переулке Нью-Йорка – да где угодно в мире, наверное, – воняло кошачьей мочой.

Выглянув за угол, Клэри увидела широкую улицу, по бокам которой тянулись ряды лавок и домов.

– Никого нет, – несколько удивленно заметила она.

В вечерних сумерках кожа оборотня отливала серым.

– Должно быть, в Гарде собрание. Иначе народ вот так разом с улиц не пропадает.

– Это хорошо или плохо? Можем пройти незамеченными.

– Не хорошо и не плохо. Улицы пустынные, нас вряд ли заметят. Но если уж кто попадется на пути, то заметит обязательно.

– Разве на Совет собирают не всех?

– Всех, да не совсем, – слабо улыбнулся Люк. – Дети, подростки – те, кого не призвали, могут гулять по улицам.

Клэри подумала о Джейсе, и сердце заколотилось с бешеной быстротой скаковой лошади.

Люк словно прочел мысли девушки и нахмурился.

– Прямо сейчас я нарушаю закон, потому что не назвался члену Конклава у врат. Если меня кто опознает, беды не оберемся. – Он взглянул на узкую полосу темно-красного неба между крышами. – С улиц надо уходить.

– Мы разве не в дом твоего друга собирались?

– Так и есть. Правда, хозяйка дома – не совсем друг.

– А кто?.. – хотела спросить Клэри, но Люк оборвал ее:

– Молчи и ступай за мной.

Он нырнул в проход между домами, такой узкий, что Клэри, вытянув руки, спокойно касалась стен по обеим сторонам. Улочка вывела на вьющуюся мостовую, обрамленную лавками – помесью архитектуры из детских сказок и готических фантазий. Каменные фасады были украшены барельефными мордами чудищ, пегасами, русалками и, разумеется, ангелами. В одном месте повстречалось нечто похожее на избушку на курьих ножках. На каждом углу сидело по горгулье, чью морду искажала гримаса-ухмылка. И всюду руны, руны, руны: на дверях, замаскированные в причудливой каменной резьбе, на тонких цепочках, позвякивающих на ветру, словно китайские колокольчики. Руны защиты, удачи и даже прибыли в деле. От их обилия голова шла кругом.

Стараясь держаться в тени, спутники молча шагали по опустевшей мостовой. Двери лавок были закрыты и заперты, но Клэри тайком заглядывала в витрины. В одной – шоколад в роскошных обертках, в другой – ого! – такое же разнообразие орудий убийства: палаши, булавы, утыканные шипами дубины и клинки серафимов почти любого размера.

– Ничего огнестрельного, – пробормотала Клэри, и собственный голос показался ей далеким-далеким.

– Что? – обернулся Люк.

– Сумеречные охотники, похоже, дерутся только холодным оружием.

– Руны не дают пороку воспламениться. Почему – никто не знает. Хотя порой нефилимы берутся за ружья, если надо подстрелить нашего брата. Против оборотня хороши серебряные пули. – Голос Люка звучал мрачно. Внезапно оборотень поднял голову и прислушался. В тусклом свете Клэри легко вообразила, как он по-волчьи прядает ушами. – Голоса. Кажется, собрание окончено.

Схватив Клэри за руку, Люк утянул ее прочь с главной улицы на небольшую площадь с колодцем в центре. Впереди виднелся каменный мосток через канал, вода в котором казалась совершенно черной.

Вот уже и сама Клэри расслышала голоса – они звучали сердито, на повышенных тонах. Голова у девушки закружилась сильнее, и мостовая под ногами закачалась, грозя опрокинуть. Клэри привалилась к стене переулка, пытаясь отдышаться.

– Клэри, – позвал Люк. – Тебе плохо?

Голос Люка сделался странным, густым. Клэри взглянула на оборотня и обомлела от ужаса: уши Люка вытянулись и заострились, зубы выросли, а в глазах загорелось яростное желтое пламя.

– Люк, – прошептала девушка. – Что с тобой?

– Клэри. – Он протянул к ней руки, которые вдруг удлинились. Когти на пальцах окрасились багряным. – Что не так?

Клэри закричала, пытаясь увернуться. В сердце проснулся неуправляемый ужас. Откуда? С чего? Люк в обличье волка ни за что не навредит... Он ухватил Клэри за плечи, и она съжилась, стараясь закрыться от желтых звериных глаз.

– Клэри, пожалуйста... – Люк звал обычным, человеческим, голосом, умоляя замолчать.

– Пусти! Пусти! – отбивалась Клэри.

Люк не пускал.

– Это все вода. У тебя галлюцинации, Клэри. Держись! – Он потянул ее к мосту, едва не волоча по земле. По горящим щекам потекли прохладные слезы. – Того, что ты видишь, нет. Крепись, пожалуйста, не сдавайся.

Запахло стоячей водой. Клэри присмотрелась к цветущей, зеленоватой поверхности, под которой угадывались темные формы. Навстречу вынырнуло черное щупальце, и Клэри отшатнулась от усеянного игольчатыми шипами кончика. Она даже не смогла закричать, лишь приглушенный стон вырвался из груди.

Колени подогнулись, но Люк успел подхватить Клэри и взять на руки, чего не делал с тех пор, как ей было пять или шесть лет.

– Клэри, – позвал оборотень. Слова замялись, переходя в рычание. Оборотень нес девушку вдоль высоких домов привычной бруклинской конструкции. Или они примерещились? Воздух тем временем потеплел, огни домов светили подобно факелам, а вода в канале издавала недоброе фосфоресцирующее сияние. Кости у Клэри как будто таяли.

– Пришли, – сказал Люк, останавливаясь у высокого дома на берегу канала. Он, крича, принялся барабанить в яркую до рези в глазах красную дверь. Единственная золотистая руна на двери расплылась и приняла форму черепа. «Неправда», – сказала себе Клэри и закусила до крови кулак, желая задавить нарождающийся в горле крик.

От боли сразу прояснилось в голове.

Дверь распахнулась, и на порог вышла высокая женщина в черном платье. Волосы она заплела в две косы, из которых те выбивались каштановым с проседью спутанным облаком. Хозяйка смотрела на гостей со смесью гнева и удивления на лице: глаза голубые, знакомые...

– Вы кто такие? – спросила хозяйка, подсвечивая себе ведьминым огнем. – Чего надо?

– Аматис, – позвал Люк, выступая в лужицу света и показывая Клэри. – Это я.

Женщина побледнела и затряслась. Чтобы не упасть, она схватилась за дверной косяк.

– Люциан?

Люк попытался войти в дом, но хозяйка – Аматис – загородила дорогу. Замотала головой, трясла косами.

– Как ты посмел прийти, Люциан? Как посмел явиться сюда?

– Выбора не было. – Люк плотнее прижал к себе Клэри, и девушка едва подавила вскрик: каждый нерв в теле пылал болью.

– Уходи, – велела Аматис. – Если исчезнешь прямо сейчас...

– Я не за себя прошу. За девочку. Она умирает. – Женщина пристально посмотрела на оборотня, и тот добавил: – Пожалуйста, Аматис, не откажи в помощи. Девочка – дочь Джослин.

Наступила долгая тишина. Хозяйка застыла подобно статуе – от страха ли, от удивления? – а Клэри впилась до крови ногтями в ладони. Боль, впрочем, больше не помогала. Мир вокруг распался на части, словно пазл, дрейфующий на воде. Послышался едва различимый голос:

– Что ж, Люциан, заноси ее в дом.

* * *

К тому времени как Саймон и Джейс возвратились в гостиную, Алина успела накрыть низенький стол: сыр, хлеб, нарезанный пирог, яблоки и даже вино. Максимум алкоголя пробовать запретили, и мелкий одиноко сидел в углу с тарелкой пирога и книжкой на коленях. Саймону было жаль Макса, потому что и сам вампир чувствовал себя изгоем в шумной, веселой компании.

Алина потянулась за яблоком и как бы походя коснулась руки Джейса. Саймон напрягся. Казалось бы, Джейс предает Клэри к его, Саймона, выгоде, и все же в первую очередь именно предает. Джейс глянул на Саймона поверх головы Алины и улыбнулся. Вроде не вампир, а будто клыками сверкает.

Саймон отвернулся. Он заметил, что музыка звучит из какого-то сложного механизма, не обычной стереосистемы.

Вампир думал поговорить с Изабель, но та уже болтала о чем-то с Себастьяном. Себастьян, весь такой утонченный, внимательно слушал. Над влюбленностью Саймона в Изабель Джейс посмеялся, однако Себастьян запросто совладевает с ее норовом. Сумеречных охотников такими воспитывают – чтобы умели совладать с чем угодно. Впрочем, Джейс, обещая быть Клэри исключительно братом, Саймона озадачил.

– Вино закончилось, – провозгласила Изабель, со стуком опустив бутылку на стол. – Пойду, принесу еще, – сказала она и, подмигнув Себастьяну, удалилась на кухню.

– Прости, если лезу не в свое дело, но ты что-то очень тих, – заметил Себастьян, наклонившись к Саймону и демонстрируя обезоруживающую улыбку. Хотя волосы у него были очень темны, кожа оставалась на вид нежной, словно Себастьян выходил на солнце нечасто. – Все хорошо?

Саймон пожал плечами:

– Да мне и говорить-то не о чем. Вы то о политике, то о каких-то незнакомцах толкуете. Или сразу обо всем.

Улыбка исчезла с лица Себастьяна.

– Мы, нефилимы, для постороннего можем показаться закрытой кастой. Таков наш путь, путь отрезанных от остального мира.

– Скорее вы сами отрезаете себя от остальных. Вы презираете людей...

– Презираем? Я бы не стал выражаться столь категорично. И потом, ну кто захочет иметь с нами дело? Ведь мы – живое доказательство самообмана: дескать, под кроватью не прячутся вампиры, чудовища и демоны. – Себастьян обернулся к Джейсу, который молча следил за беседой: – Я не прав?

Джейс улыбнулся.

– *De se crezi sa va ascultam conversatia?* – проговорил он.

Приятно удивленный, Себастьян заинтересованно посмотрел на Джейса.

– *M-ai urmarit de cand ai ajuns aici. Nu-mi dau seama daca nu ma placi ori daca esti atat de banuitor cu toata lumea.* – Себастьян встал из-за стола. – Всегда рад поупражняться в румынском, однако пора мне, думаю, проверить, отчего так задерживается на кухне Изабель.

Себастьян ушел, а Джейс остался сидеть, озадаченно глядя ему вслед.

– В чем дело? – спросил Саймон. – Он что, не по-румынски говорил?

– Да нет, – ответил Джейс и слегка нахмурился. – С румынским у него все в порядке.

Не успел Саймон спросить, в чем тогда дело, как вернулся Алек. Хмурым он уходил и хмурым же возвратился. Смущенный взгляд голубых глаз сразу уперся в вампира.

– Так быстро? – спросил Джейс.

– Я ненадолго, – ответил Алек и, не снимая перчатки, схватил со стола яблоко. – Мне велено привести его, – указал он яблоком на Саймона. – Его хотят видеть в Гарде.

– Что, правда? – удивленно спросила Алина, но Джейс уже встал с дивана, высвобождая свою руку из ее.

– Чего ради? – спросил он угрожающе спокойно. – Ты хоть спросил прежде, чем помчался выполнять поручение?

– Конечно, спросил. Я что, тупой, по-твоему?

– Ладно тебе, – произнесла Изабель, возвращаясь. Рядом Себастьян нес бутылку вина. – Ты и впрямь бываешь туповат, – сказала Иззи, но под испепеляющим взглядом брата добавила: – Самую малость.

– Саймона отправят обратно в Нью-Йорк. Через портал.

– Саймон только что прибыл сюда! – надула губы Изабель. – Они там офигели?

– Это мы офигели, притащив Саймона. Пусть и случайно. Конклав решил, что лучший выход из ситуации – отправить вампира домой.

– А что, прикольно, – встрял Саймон. – Вернусь, и мама не заметит. Какая разница во времени между Аликантом и Манхэттеном?

– У тебя и мать есть? – пораженно спросила Алина.

Саймон притворился, будто не слышал.

– Нет, серьезно, – заверил он Алека и Джейса, когда те переглянулись. – Я реально хочу поскорее отсюда смотаться.

– Проводишь его? – спросил Джейс Алека. – Проследишь, чтобы все прошло без косяков?

Какое-то время нефилимы смотрели друг на друга до боли знакомым Саймону взглядом. Точно так же он и Клэри когда-то переглядывались, если не хотели выдать родителям своих планов.

– Эй, – окликнул он Джейса и Алека. – Что не так?

Ниточка взгляда порвалась: Алек отвернулся, а Джейс, мягко улыбаясь, посмотрел на вампира.

– Все путем, – сказал он. – Поздравляю, вампир, ты едешь домой.

4. Светолюб

На Аликант опустилась ночь. Узкие улочки петляли в лунном свете бледными каменными лентами; несмотря на холод, Саймон чувствовал себя вполне комфортно.

Алек быстро шагал, глядя прямо перед собой, будто Саймона не было рядом. В прошлой жизни Саймону, чтобы поспеть за провожатым, пришлось бы бежать, задыхаясь, но не теперь. Вампир спокойно держал темп, заданный нефилимом.

– Фигово, поди? – спросил наконец Саймон. – В смысле, возиться со мной?

Алек пожал плечами:

– Мне восемнадцать, я взрослый и должен вести себя ответственно. Я единственный, кому дозволено входить и выходить из Гарда во время собрания. К тому же Консулу меня представили.

– Кто такой Консул?

– Он вроде старшего чиновника. Подсчитывает голоса на Совете, трактует закон и дает советы Конклаву и Инквизитору. Если ты руководишь Институтом и вдруг сталкиваешься с неразрешимой проблемой – можно обратиться к Консулу.

– Погоди, как он может давать советы Инквизитору? Разве она не погибла?

– И президенты умирают, – фыркнул Алек. – Прежний Инквизитор погибла, и сейчас действует новый. Элдертри.

Саймон обернулся посмотреть на темную полосу воды в канале. Город остался позади, и теперь они следовали узкой тенистой тропинкой между деревьями.

– Знаешь... – заговорил вампир, и Алек посмотрел на него тусклым взглядом. – В прошлом Инквизиторы были к моему народу не слишком-то благосклонны. Впрочем, ладно, забей. Просто такая вот шутка истории получается. Дела примитивных, тебе неинтересно, наверное.

– Ты – не примитивный, – возразил Алек. – Поэтому твое появление так всполошило Себастьяна и Алину. Хотя по Себастьяну не скажешь. Он постоянно делает вид, будто все в жизни повидал.

– У него с Изабель, – ляпнул Саймон, – что-нибудь есть?

Алек рассмеялся.

– У Себастьяна с Изабель? Вряд ли. Себастьян классный парень, но Изабель водит шашни с тем, от кого родители обязательно придут в ужас. Примитивные, нежить, мошенники с обаятельной мордой...

– Спасибо на добром слове, – сказал Саймон. – Приятно оказаться среди бандюганов.

– По-моему, Изабель на публику работает. К тому же она – единственная девчонка в семье, вот и доказывает крутизну. Ну, или так она сама думает.

– Или же хочет отвести внимание предков от тебя, – почти бесцветным голосом произнес Саймон. – Пока те не просекли, что ты гей...

Алек остановился так резко, что Саймон в него чуть не врезался.

– Предки-то не знают, – сказал Алек. – Зато, похоже, знают все остальные.

– Кроме Джейса. Он не в курсе?

Алек сделал глубокий вдох. Он побледнел, или так казалось в лунном свете, лишаящем оттенков каждый предмет. Глаза нефилима были черны.

– Какое тебе дело? Запугать меня хочешь?

– Запугать? – ошеломленно переспросил Саймон. – Я не...

– Тогда зачем? – В голос Алека закралась боль. – Зачем напоминать об этом?

– Ты... меня ненавидишь. Плевать, пусть я и спас тебе жизнь. Ты весь мир презираешь. У нас вроде нет ничего общего, да только ты смотришь на Джейса, как я – на Клэри. Может, узнав о моей беде, ты станешь ненавидеть меня чуточку меньше?

– Значит, ты не скажешь Джейсу? В смысле, Клэри ты признался и...

– Теперь жалею. Постоянно думаю, как вернуть прежние времена. Получится остаться друзьями или те отношения пошли окончательно прахом? Не по ее вине, а по моей. Что, если бы я встретил другую...

– Другого... – пробормотал Алек и быстрым шагом двинулся дальше, глядя прямо перед собой.

Саймон нагнал его.

– Сам посуди. Магнусу Бейну, например, ты точно нравишься, и он тоже клевый. Такие тусы устраивает! Хотя он меня, конечно, в крысу превратил... ну и фиг с ним.

– Спасибо за сочувствие, – сухо ответил Алек. – Не думаю, что Магнусу я нравлюсь настолько сильно. Когда он пришел в Институт открывать портал, то едва ли взглянул на меня.

– Позвони ему, – не унимался Саймон, стараясь не думать, как странно, должно быть, это выглядит со стороны: вампир советует демоноборцу назначить свидание магу.

– Не выйдет. Телефоны в Идрисе не работают. Да и какая разница!.. Мы пришли, вот он, Гард.

Впереди высилась стена. Ворота в ней были испещрены угловатым руническим узором. Саймон, в отличие от Клэри, магических знаков читать не умел, но и так чувствовал исходящую от них силу. По обеим сторонам от врат стояли на страже каменные изваяния ангелов со свирепым выражением на прекрасных лицах. Сжимая в руках гравированные клинки, ангелы попирали ногами чудовищ: помесь крысы, летучей мыши и ящерицы с длинными острыми зубами. Саймон долго вглядывался в скульптурных монстров, решив под конец, что перед ним демоны. Или все же вампиры?

Распахнув врата, Алек жестом велел проходить. Саймон, оказавшись во дворе, пораженно заморгал: вампиризм дарует острое ночное зрение, но факелы вдоль тропинки горели ведьминым огнем, и предметы теряли резкость. Саймон едва ли заметил, что Алек ведет его по булыжной дороге, отражающей резкое белое свечение, и что впереди, подняв руку, их дожидается некто высокий.

– Так это тот самый вампир? – спросила фигура низким голосом, похожим скорее на рычание. Саймон поднял на вопрошавшего взгляд; глаза резало и жгло. Они слезились бы, умей вампир плакать.

Все из-за ведьминога огня. Ангельский свет сжигает вампиров.

Дорогу загородил великан: широкоскулый, с землистым лицом; коротко стриженный брюнет, высокий лоб. Выражением лица он напоминал пассажира метро, заметившего на рельсах крысу и пожелавшего, чтобы скорее подоспел поезд – авось да раздавит паразита.

– Это Саймон, – слегка неуверенно представил вампира Алек. – Саймон, это Консул Малахи Дьюдонн. Портал открыт, сэр?

– Да, – ответил Малахи резким голосом, в котором угадывался легкий акцент. – Все давно готово. Идем, нежить. Чем скорее избавимся от тебя, тем лучше.

Саймон уже двинулся вслед за старшим чиновником, но Алек вдруг схватил его за руку.

– Погодите, – обратился он к Консулу. – Саймона отправят прямиком на Манхэттен? Встретят по ту сторону?

– Так и есть. Магнус Бейн возьмет на себя ответственность за возвращение нежити. Раз уж он столь неразумно позволил ей проникнуть сюда.

– Если бы Магнус не пропустил Саймона через портал, Саймон бы погиб!

– Возможно. Такова версия твоих родителей, и Конклав склонен ей верить. Против моего совета, впрочем. Никому так просто не допускается приводить нежить в Город стекла.

– И вовсе это было не просто, – разозлился Саймон. – На нас напали... Малахи только сейчас обратил на него взор.

– Будешь говорить, когда тебя спросят, нежить.

Алек еще сильнее сжал руку Саймона. На лице нефилима проступила смесь нерешительности и подозрения, словно Алек передумал отдавать вампира Конклаву.

– Полноте, Консул! – раздался высокий голос, и Саймон удивленно заметил спешащего к ним низенького, полноватого мужчину в просторной серой мантии поверх черного костюма Охотника. Его лысый череп блестел в свете ведьминого огня. – Не стоит пугать нашего гостя.

– Гостя? – возмущенно переспросил Малахи.

Коротышка подошел ближе и улыбнулся Саймону и Алеку.

– Мы рады – правда, очень рады, – что ты согласился поскорее возвратиться в Нью-Йорк. Всем только легче. – Коротышка подмигнул Саймону, который смущенно пялился на него. Ни разу прежде – ни когда Саймон был примитивным, ни когда он стал вампиром – Сумеречный охотник не обращался к нему столь приветливо. – О, чуть не забыл! – хлопнул себя по лбу коротышка. – Надо представиться. Я Инквизитор, новый Инквизитор. Зовут меня Элдертри.

Элдертри протянул Саймону руку, и тот, по-прежнему смущенный, ответил пожатием.

– А ты? Должно быть, Саймон?

– Да, – ответил вампир, спеша высвободить руку из влажной и липкой ладошки Элдертри. – Не благодарите за согласие. Мне самому не терпится вернуться домой.

– Уверен, о, я уверен, что так и есть! – жизнерадостно произнес Элдертри, однако Саймон заметил странную тень на его лице. – Сюда, Саймон, – улыбнулся Инквизитор, указывая на узкую тропинку, выющуюся вдоль Гарда. – Изволь.

Алек хотел последовать за Саймоном, но Инквизитор поднял руку:

– В твоих услугах, Александр, мы больше не нуждаемся. Спасибо, что помог.

– Саймону...

– ...Ничто не угрожает. Малахи, проводи, пожалуйста, Александра на выход. Выдай ведьмин огонь, если у него с собой нет. Ночами дороги бывают обманчивы.

Одарив собравшихся еще одной благостной улыбкой, Элдертри поторопил Саймона к portalу.

* * *

Люк перенес Клэри через порог, и мир вспыхнул, начал плавиться. Хозяйка вела неожиданных гостей по длинному коридору, освещая путь ведьминым огнем. В бреду Клэри видела, как коридор все удлиняется и удлиняется.

Стены перевернулись. Клэри уложили на холодную поверхность и накрыли одеялом.

Девушка встретила взглядом с парой голубых глаз.

– На вид она очень больна, Люциан, – произнесла Амалис. Ее слова прозвучали как со старой изжеванной пленки. – Что с ней?

– Наглotalась воды из озера Лин, – ответил Люк. На мгновение в глазах прояснилось, и Клэри увидела, что лежит на плиточном полу кухни, а Люк совсем рядом ковыряется в шкафчике. Желтая штукатурка на стенах облупилась, от пламени в чугунной печи резало глаза. – Анис, белладонна, чемерица... – Люк вытаскивал из шкафчика стеклянные пузырьки. – Амалис, из этого нужно приготовить отвар. Я пока перенесу Клэри ближе к печи. Бедняжку трясет.

Клэри хотела сказать, дескать, она и так вся горит, но из горла долетели совсем не те звуки. Оказавшись на руках у оборотня, она захныкала. Потом пришел жар от печки, и левый бок стало припекать. Все-таки Клэри мерзла. Челюсти сильно свело, и во рту почувствовался привкус крови. Мир всколыхнулся, как вода в стакане.

– Озеро снов? – недоверчиво спросила Амалис. Хозяйка с длинной деревянной ложкой в руке вроде стояла у плиты. – И чего вы полезли туда? Джослин знает, где...

В этот момент мир – по крайней мере настоящий мир – исчез. Вместо облупившейся желтой штукатурки Клэри увидела поверхность озера и отраженные в ней, будто в стекле, огни. По стеклу, опустив окровавленные, сломанные крылья, брели ангелы с лицом Джейса. Потом пришли другие – с крыльями из теней. Они хохотали, касаясь отраженного в озере пламени...

– Она зовет брата, – раздался откуда-то сверху, с немыслимой высоты, едва слышный голос Амалис. – Он ведь с Лайтвудами? В доме Пенхоллоу на Принсуотер-стрит. Можно...

– Нет, – резко отвечал Люк. – Лучше не говорить Джейсу о Клэри.

«Я звала Джейса? – спросила себя девушка. – Зачем?..» Мысль она додумать не успела. Вернулась тьма, и разумом вновь завладели галлюцинации. Клэри увидела Алека и Изабель – брат и сестра словно вышли из яростной битвы: по лицам стекали кровь и сажа. Пришла безликая фигура, замахала черными кожистыми крыльями. Незнакомец улыбнулся, и по губам у него потекла кровь. «Уйди, уйди!» – зажмурившись, мысленно просила Клэри...

Прошло еще много времени, прежде чем откуда-то сверху послышалось:

– На, выпей, – говорил Люк, и Клэри вынырнула из темноты на зов. – Клэри, тебе очень надо выпить это лекарство.

Чьи-то руки приподняли голову, и в рот из промоченной тряпицы потекла горькая жидкость. Клэри закашлялась, пытаясь выплюнуть дрянное на вкус снадобье. Хотела отвернуться, но руки держали за голову крепко. Клэри сдалась и проглотила лекарство, невзирая на боль в распухшем горле.

– Вот так, – сказал Люк. – Скоро подействует.

Клэри медленно разлепила веки. Рядом на коленях стояли Люк и Амалис. Их одинаковые голубые глаза выдавали равную озабоченность. Заглянув за спины оборотню и хозяйке дома, Клэри не заметила ни ангелов, ни дьяволов с кожистыми крыльями. Только желтые стены и бледно-розовый чайник, неровно поставленный на подоконник.

– Я умираю?

– Нет, – устало улыбнулся Люк. – Поправишься ты не сразу, но жить будешь.

– Слава богу. – Сил не осталось даже на то, чтобы испытать облегчение. Из тела будто вынули все кости, и остался лишь мешок из мяса да кожи. Сонно глядя на спасителя сквозь вуаль смеженных ресниц, Клэри ляпнула: – У тебя те же глаза.

– В смысле, те же? – не понял Люк.

– Как у нее. – Нефилимка перевела взгляд на озадаченную Амалис. – Того же цвета.

Тень улыбки промелькнула на лице Люка.

– Ну, если подумать, то нет здесь ничего удивительного. Просто я не успел вас друг другу представить. Клэри, это Амалис Эрондейл. Моя сестра.

* * *

Отойдя от Алека и главного чиновника на достаточное расстояние, Инквизитор умолк. Саймон следовал за ним по узкой, освещенной все тем же ведьминым огнем тропинке, стараясь не глядеть на факелы. И все же Гард он не заметить не мог: стены крепости возвышались по обеим сторонам, словно борта гигантского судна, окрашивая небо в серебристый оттенок льющим из окон светом. На первом этаже окна тоже имелись: низкие, кое-где темные и зарешеченные.

Вскоре Инквизитор остановился у деревянной двери, вделанной в арочный проход. Желудок Саймона сжался; став вампиром, он замечал, как меняются от настроения к настроению запахи человека. От Элдертри пахло резко и горько, словно от чашки кофе. В верхней челюсти проснулось покалывание – клыки запросились наружу.

Открыв дверь, Элдертри прошел внутрь. Саймон – за ним, продолжая держаться от Инквизитора на почтительном расстоянии.

За дверью обнаружился длинный коридор, похожий на тоннель, вырезанный в теле белой скалы. Элдертри, несмотря на низкий рост, шагал чрезвычайно быстро, подсвечивая себе путь минимым огнем и пригнувшись. Саймон едва поспел за ним через распахнутые, словно крылья, двойные двери. В зале, куда привел вампира Инквизитор, амфитеатром располагались ряды кресел, в каждом из которых сидело по Сумеречному охотнику. От стен эхом отражались голоса присутствующих; слышались злобные выкрики. Саймон ловил обрывки фраз – нечетких и смазанных, потому что говорили все сразу:

– Мы не знаем, чего хочет Валентин. Он никому не открыл своих замыслов...

– Что с того? Он предатель и лгун. Простым усмирением Валентина мы ничего не добьемся.

– Дозор обнаружил на окраине леса труп ребенка-оборотня. Обескровленный труп. Похоже, Валентин завершил свои ритуалы здесь, в Идрисе.

– Захватив два Орудия смерти, Валентин взял на себя власти больше, чем отпущено любому из нефилимов. Выбора не остается...

– У меня кузен погиб на том корабле в Нью-Йорке! Валентину это с рук не сойдет! Требую возмездия!

Саймону интересно было подслушать еще, но Инквизитор так и вился вокруг жирным надоедливым шмелем.

– Идем-идем! – помахал он магическим светильником у Саймона перед носом. – Времени в обрез. Мне еще предстоит вернуться на собрание, пока оно не закончилось.

Саймон неохотно позволил подтолкнуть себя и увести дальше по коридору. В ушах звучало слово «возмездие», а в памяти всплыли события той ночи – неприятные, холодающие душу.

В конце коридора стояла резная дверь с изображением единственной руны, черной и внушающей трепет. Отперев дверь, Элдертри сделал широкий приглашающий жест.

Внутри не было ничего, кроме гобелена с изображением ангела, восстающего из озера и сжимающего в одной руке Меч, в другой – Чашу. Засмотревшись, Саймон не заметил, как Инквизитор вновь запер дверь на ключ и на засов.

Из мебели Саймон приметил только табурет и низкий стол, на котором покоился декоративный серебряный колокольчик.

– Слушайте, где... портал?

– Саймон, Саймон! – Элдертри потер ладони, словно в предвкушении праздника. – Тебе и правда не терпится попасть домой? Я лишь хотел спросить кое о чем...

– Валяйте, – пожал плечами Саймон, чувствуя себя очень неудобно. – Спрашивайте, что надо.

– Как мило с твоей стороны! Как великодушно! – просиял Элдертри. – Давно ли ты стал вампиром? Только точно.

– Недели две как.

– Как случилось, что тебя обратили? Напали посреди улицы или пока ты спал? Ты видел того, кто обратил тебя?

– Вообще-то... нет.

– Ах ты батюшки! – воскликнул Элдертри. – Разве можно не заметить вампира, который тебя кусает?!

Он посмотрел на Саймона столь открыто и с таким подлинным любопытством, что парень устыдился своих подозрений. Инквизитор напоминал родного дедушку или старого чудного дядюшку. Горький запах? Должно быть, почудился.

– Так уж вышло, – признался Саймон и начал пересказывать, как он дважды очутился в «Дюмор»: первый раз в качестве крысы и второй – когда его вела неведомая воля, когда его

словно тащили, зацепив тысячью крючков. – Когда, – заканчивал он повествование, – я вошел в отель, на меня напали. Я не успел заметить, кто именно... может, накинлось все гнездо, скопом.

– Страсти-то какие, страсти! – прокудахтал Инквизитор. – Нехорошо, совсем плохо. Я бы даже сказал, печально.

– Вот и мне так показалось.

– Конклав не обрадуется.

– Не понял, – смутился Саймон. – Какая разница Конклаву, как именно я стал вампиром?

– Видишь ли, – виноватым тоном произнес Инквизитор, – одно дело, если вампиры на тебя напали и обратили насильно. Однако, судя по рассказу, ты отдался. Как будто желал обращения.

– Глупости! Я не затем пришел в отель!

– Верю, верю, – успокоил Саймона Элдертри. – Давай перейдем к следующему вопросу. – Не дожидаясь согласия, Инквизитор спросил: – Как получилось, что ты выжил, юный Саймон? Ведь ты проник на территорию вампиров, а нарушителей они обычно выпивают досуха и кремируют, чтобы обсосок не воскрес.

Саймон открыл было рот, желая рассказать, как Рафаэль принес его труп в Институт, как Клэри, Джейс и Изабель похоронили его, а после смотрели, как Саймон восстает из могилы... Но смолчал. Откуда ему знать правила нефилимов! Вряд ли в обязанности Охотника входит встречать нежить при первом воскрешении и тут же поить ее кровью.

Саймон просто ответил:

– Не знаю. Правда, не знаю, почему вампиры обратили меня.

– Вампир должен крестить тебя своей кровью. Не отведай ты ее, не стал бы... тем, кем стал. Ну, по-прежнему утверждаешь, что не видел своего господина?

Господина? И в голову не пришло бы называть Рафаэля господином. Во-первых, его кровь Саймон попробовал совершенно случайно. Во-вторых, Рафаэль выглядит моложе самого Саймона. На вид он мальчишка.

– Так оно и есть.

– О, какая жалость! – вздохнул Инквизитор. – Воистину прискорбно.

– Что прискорбно?

– Ты лжешь, парень, – покачал головой Элдертри. – Я-то надеялся на сотрудничество. Ужасно, у-ж-жас-сно! Так ты не скажешь правду? Сделай милость.

– Я и говорю правду!

Инквизитор сник подобно увядшему цветку.

– Стыдно, стыдно, – вздохнул он. – Ай как стыдно. – Пересек комнату и, не переставая качать головой, громко постучался в дверь.

– В чем дело? – всполошился Саймон. – Где портал-то?

– Портал? – хихикнул Элдертри. – Ты же не думаешь, что я так просто позволю тебе уйти?

Саймон не успел и слова сказать, как двери распахнулись, и в комнату ворвалась толпа нефилимов. Охотники схватили Саймона за руки и надели на голову мешок. Вампир попробовал отбиться и даже попал кому-то ногой по голове – послышалась ругань. Тогда его одернули, и кто-то горячо прошептал в ухо:

– Еще раз рыпнешься, вампир, и я залью тебе в глотку святую воду. Сдохнешь, рыгая собственной кровью.

– Довольно! – Тонкий голос Инквизитора взлетел над ором, словно шарик. – Хватит угрозы. Я лишь пытаюсь научить нашего гостя манерам. – Элдертри, должно быть, подошел ближе, потому что Саймон вновь, даже через мешок, учуял горький запах. – Саймон, Саймон... Я ведь так обрадовался встрече и понадеялся на помощь с твоей стороны. Надеюсь, ночь в подвале Гарда пойдет тебе на пользу и утром мы добьемся желаемого эффекта. Я верю: стоит

преодолеть это досадное недоразумение, и нас с тобой ждет много интересного и полезного. – Рука Инквизитора легла Саймону на плечо. – Нефилимы, отведите вампира вниз.

Саймон закричал, но мешок глушил все звуки. Сумеречные охотники вынесли вампира из комнаты и потащили куда-то по длинным петляющим, как в лабиринте, коридорам. Наконец достигли ступенек и, приподняв Саймона над полом, стали спускаться. Сильно пахло замшевым камнем, и воздух постепенно становился все сырее и холоднее.

Наконец спуск закончился. Заскрежетало железо о камень. Саймона швырнули вперед, и он упал на четвереньки. Лязгнула металлическая дверь, послышались удаляющиеся шаги. Эхо от них еще не смолкло, а Саймон вскочил на ноги и сдернул мешок с головы. Уф, чуть не задохся! Саймон по привычке глубоко вздохнул. Хотя вампиры не дышат, в груди жгло так, словно воздуха и впрямь не хватало.

Саймона бросили в камеру: голые каменные стены, маленькое зарешеченное окошко над жесткой кроватью. За невысокой дверью – крохотная уборная: мойка и унитаз. В западной стене устроена решетка, от пола до потолка, дверь на петлях, снабженная круглой ручкой, на медной поверхности которой красуется жирная черная руна.

Руны были везде: все прутья – даже на оконной решетке – покрывал витиеватый узор.

Саймон не сомневался, что дверь заперта, но ничего не смог с собою поделывать. Подошел к ней и схватился за ручку. Тут же ладонь пронзила жгучая боль. Закричав, Саймон отдернул руку. На коже проступил дымящийся магический узор: подобие звезды Давида, вписанной в круг, и еще мелкие руны между линиями.

Будто за раскаленную железку схватился. От боли Саймон сжал пальцы в кулак и судорожно вдохнул.

– Что за дрянь? – прошептал он в пустоту, понимая: никто не ответит.

– Печать Соломона, – пришел внезапный ответ. – Говорят, она содержит одно из истинных имен Господа и отпугивает демонов. Особенно твоего племени, потому что служит предметом твоей веры.

Позабыв про боль, Саймон вскинул голову:

– Кто здесь? Кто говорит?

Невидимый собеседник помолчал и затем ответил:

– Я в соседней камере, светолуб. – Голос, хрипловатый, принадлежал взрослому мужчине. – Стражи провозились тут полдня, решая, как лучше удержать за решеткой вампира. На твоём месте я бы не тратил силы, пытаясь открыть дверь. Лучше подожди, пока Конклав не назовет свое требование.

– Меня нельзя держать в темнице. Я из другого мира. Пропажу заметят родители, учителя...

– Конклав обо всем позаботился. Существуют простейшие заклинания, сотворить которые может и начинающий маг. Стражам ничего не стоит убедить твоих родителей, будто ты куда-нибудь уехал – по учебе ли, к родственникам. Здесь такое проделывают на раз.

В голосе невидимого собеседника не слышалось ни угрозы, ни сожаления. Он словно говорил о чем-то обыденном.

– Конклав и прежде заставлял нежить исчезнуть.

– Кто вы? – надломившимся голосом спросил Саймон. – Вы из наших? Конклав тут прячет нежить?

Сосед промолчал. Видно, решил, что больше говорить с нежитью не о чем. На все крики Саймона был один ответ – тишина.

Боль в руке понемногу утихла, кожа восстановилась, но печать держалась, будто нарисованная чернилами. Присмотревшись к решеткам, Саймон заметил, что руны на них перемежаются со звездами Давида и строками из Торы на иврите. К тому же резьба была свежей.

Значит, стражи провозились тут полдня, решая, как удержать Саймона в камере?

Вряд ли они потратили бы столько времени на обычного вампира. Нет, Саймон еврей, и возились стражники, вырезая на решетке иудейские символы, – чтобы Саймона ожгло сразу, как он прикоснется к двери. Обратили его же веру против него.

Утратив остатки мужества, Саймон опустил на койку и обхватил голову руками.

* * *

Принсуотер-стрит погрузилась в темноту. Окна всех домов были закрыты ставнями, и лишь изредка попадались ведьмины огни. Дом Пенхоллоу выглядел самым ярким в квартале: в окнах горели свечи, а парадная дверь оставалась слегка приоткрытой, роняя полоску желтого света на поворот мостовой.

На низеньком каменном заборе перед садом сидел Джейс; волосы у него в свете ближайшего фонаря как будто светились. Одетый в легкую куртку, парень слегка дрожал от холода.

В воздухе, словно запах духов, висел тонкий аромат поздних роз.

Присев рядом, Алек спросил:

– Меня ожидаешь?

– С чего ты взял?

– Все прошло гладко: я передал Саймона Инквизитору, если ты об этом хотел спросить.

– Передал и ушел? Не остался до конца?

– Я же говорю: все прошло гладко. Инквизитор сказал, что сам лично проводит Саймона внутрь и отправит назад в...

– Инквизитор сказал, Инквизитор сказал... – перебил Джейс Алек. – Прежний Инквизитор только так превышал свои полномочия. Если бы не смерть, Конклав отправил бы ее в отставку. А может, и проклял бы. Кто знает, вдруг новенький – тоже с прибабахами?

– Мне он показался вменяемым. Даже приятным. С Саймоном Инквизитор обращался очень вежливо и учтиво. Слушай, Джейс, таков принцип действия Конклава: нам не дано управлять жизнью, и мы обязаны слушать Конклав, иначе мир погрузится в хаос.

– В последнее время Конклав часто портачит, факт.

– Возможно, – согласился Алек. – Но если все начнут считать себя умнее Конклава или закона, то чем мы лучше Инквизитора Имоджен? Или Валентина?

Джейс вздрогнул. Последним вопросом Алек словно ударил его, если не хуже.

Алек и сам испугался.

– Прости. – Он протянул Джейсу руку. – Я не то хотел сказать.

Внезапно в сад ударил луч яркого света – распахнулась парадная дверь, и на пороге встала Изабель. Алек не видел ее лица, только силуэт на фоне желтого прямоугольника, однако, судя по тому, как сестренка уперла руки в бока, она явно злилась.

– Вы, двое, чего расселись? Все, с ума сходя, гадают, где вы!

Алек посмотрел на друга.

– Джейс...

Джейс, не обращая внимания на протянутую руку, встал с забора.

– Надеюсь, ты прав насчет Конклава.

Глядя, как Джейс возвращается в дом, Алек внезапно, против воли, вспомнил слова Саймона: «Постоянно думаю, как вернуть прежние времена. Получится остаться друзьями или те отношения пошли окончательно прахом? Не по ее вине, а по моей».

Дверь захлопнулась, и Алек остался один в полуосвещенном саду. Он смежил веки и представил лицо – не Джейса, нет, другое. У того, чей образ лелеял нефилим, глаза были зеленые, со зрачками-щелками. Кошачьи глаза.

Алек достал из сумки карандаш и страничку, вырванную из собственного дневника, блокнота на спиральной проволоке. Нацарапал несколько слов, а затем взял стило и начертил

в нижнем уголке руну огня. Листок занялся быстрее, чем Алек ожидал, он выпустил горящую бумажку, и та светлячком полетела вниз. Белые хлопья пепла усеяли розовый куст.

5. Вспомни то, что мне нужно

Проснулась Клэри оттого, что свет полуденного солнца упал ей прямо на лицо, подсвечивая веки изнутри ярко-розовым. Клэри беспокойно пошевелилась и осторожно приоткрыла глаза.

Лихорадка унялась. Исчезло ощущение, будто кости плавятся и распадаются. Приподнявшись, Клэри с любопытством огляделась. Похоже, Аманис отвела ей гостевую спальню: небольшую, выкрашенную в белый. Клэри уложили на кровать, накрыв ярким лоскутным одеялом. Кружевные занавески на окнах отодвинули, и внутрь проникали круглые столбики света.

Клэри не спеша села, ожидая, что ее вот-вот накроет волной головокружения... Ничего такого не случилось. Она чувствовала себя совершенно здоровой и даже выпавшейся. Кто-то надел на нее белую накрахмаленную пижаму, мятую, правда, и не по размеру большую: манжеты рукавов свисали ниже пальцев, как у клоуна.

Подойдя к одному из похожих на иллюминатор окошек, Клэри выглянула на улицу. На склоне холма ютились домики цвета старого золота; черепица на крышах сверкала будто бронзовая. Окно выходило на противоположную каналу сторону, где был разбит садик, расцвеченный всеми красками осени. Со шпалеры у стены последняя жухлая роза роняла потемневшие лепестки.

Скрипнула дверная ручка, и Клэри метнулась обратно в кровать. Вошла Аманис – принесла поднос; увидев, что Клэри уже не спит, она вопросительно приподняла брови.

– Где Люк? – спросила Клэри, заворачиваясь в одеяло.

Аманис поставила поднос на прикроватный столик. Она принесла кружку чего-то горячего и ломтики намазанного маслом хлеба.

– Пора тебе подкрепиться. Полегчает.

– Мне и так хорошо, – ответила Клэри. – Где Люк?

Аманис присела в кресло у столика и, сложив руки на коленях, спокойно взглянула на гостью. При свете дня стали отчетливо видны морщины на лице: с виду Аманис была ненамного старше Джослин, но каштановые волосы серебрила седина, а глаза покраснели, словно Аманис проплакала ночь напролет.

– Люка нет.

– Нет – в смысле, он выбежал купить диетической колы и пончиков, или нет – в смысле...

– Он ушел на рассвете, едва убедился, что ты поправилась. Куда – не сказал. – Говорила Аманис сухим тоном. Если бы не вчерашняя болезнь, Клэри даже позабавило бы возросшее сходство между сестрой и братом. – Когда Люк еще жил со мной в Идрисе, пока его не... покусали... В общем, он возглавил стаю волков в лесу Брослин. Люк открылся, что идет к ним, но зачем и надолго ли – умолчал. Он вернется через несколько дней.

– Так он... бросил меня? Мне теперь сидеть и ждать здесь?

– Ну, не мог же он потащить тебя с собой. К тому же обратно ты так запросто не вернешься. Заявившись в Идрис нелегально, ты нарушила закон, и Конклав этого так не оставит, не отпустит великодушно домой.

– Я домой и не хочу, – ответила Клэри, стараясь взять себя в руки. – Я прибыла сюда, чтобы... встретиться кое с кем. У меня важное дело.

– Люк все рассказал. И позволю дать совет: найти Рагнора Фелла можно, только если он сам того хочет.

– Но...

– Кларисса. – Аманис внимательно посмотрела на Клэри. – Мы в любой момент ожидаем нападения Валентина. В город собрались все Сумеречные охотники, и потому самое безопасное для тебя – оставаться в пределах Аликанта, под защитой башен.

Клэри сидела, не в силах пошевелиться. Слова Аमतис звучали разумно, не придерешься, однако логика не могла заткнуть кричащий в сердце голос, что надо идти, искать Рагнора Фелла. Надо выручить маму!

Кое-как подавив панику, Клэри заметила:

– Люк не говорил, что у него есть сестра.

– Правильно, а зачем? Мы были не особенно... близки.

– Люк представил вас как Эрондейл. Так звали прошлого Инквизитора.

– Верно. – Лицо Аमतис сделалось каменным. – Инквизитор приходилась мне свекровью.

Что там Люк рассказывал об Инквизиторе? Якобы ее сын женился на женщине «из дурной семьи»?

– Вы были замужем за Стивеном Эрондейлом?

– Откуда ты знаешь его имя? – удивилась Аमतис.

– Люк рассказал. Только... жена Стивена вроде погибла? Потому Инквизитор так... – «Озверела», – думала сказать Клэри, но промолчала. – Озлобилась.

Дрожащей рукой Аमतис взяла с подноса кружку.

– Да, она погибла. Наложила на себя руки. Правда, то Селин, вторая супруга Стивена. Я его первая жена.

– Вы развелись?

– Вроде того. – Аमतис протянула кружку Клэри. – На-ка, пей. Надо тебе чем-то заполнить желудок.

Клэри в замешательстве приняла кружку и сделала глоток горячей, густой и солоноватой жидкости. Бульон.

– Понятно. Что же случилось?

Аमतис посмотрела куда-то вдаль.

– Мы со Стивеном входили в Круг. Когда Валентину понадобился новый помощник, он выбрал Стивена, и именно тогда случилось Люку... измениться. И Валентин решил: его правой рукой не может быть тот, чей шурин...

– Оборотень?

– Валентин выразился иначе, – горько ответила Аमतис. – Он убедил Стивена расторгнуть брак и взять в жены другую – ту, которую Валентин сам подобрал. Селин была такой юной и такой послушной.

– Ужасно.

Покачивая головой, Аमतис рассмеялась ломким голосом.

– Давно это было. Щедрый Стивен оставил мне дом, а сам вернулся с Селин в поместье Эрондейл, и больше мы не виделись. Круг я покинула, став им неудобной. Из тех, кто входил в Круг, меня навещала только Джослин. Она даже призналась в сговоре с Люком. – Аमतис убрала сидящие пряди за уши. – Мне рассказали, что стало со Стивеном во время Восстания, когда все закончилось. Селин же... Мне бы ненавидеть ее, но я пожалела девочку. Говорят, она вскрыла вены, и крови натекло... – Она тяжело вздохнула. – На похоронах Стивена, когда его тело поместили в склеп Эрондейлов, я встретила Имоджен, однако свекровь не узнала меня. Вскоре ее произвели в Инквизиторы: Конклав решил пустить ненависть Имоджен в дело – и не прогадал. Имоджен только рада была смыть воспоминания о сыне кровью врагов.

Вспомнился холодный взгляд Инквизитора, узкие щелки ее глаз... Клэри от души хотелось пожалеть бедную женщину.

– Горе свело ее с ума, – сказала Клэри. – Лишило рассудка. Мне она показалась страшным человеком, а Джейсу – еще страшнее. Инквизитор хотела убить его.

– Я ее понимаю. Ты похожа на маму, и воспитала тебя она. Однако твой брат... – Аमतис склонила голову набок. – Он похож на Валентина так же, как и ты – на Джослин?

– Нет. Джейс похож на себя. – При мысли о брате Клэри пробрала дрожь. – Он здесь, в Аликанте... Вот бы свидеться с ним.

– Нет, – сурово проговорила Аматис. – Никуда тебе нельзя. Ни с кем нельзя встречаться и тем более – с братом.

– Никуда нельзя?! То есть я заперта в доме? Я ваша узница?

– Всего на день или два. К тому же ты не до конца оправилась. Озерная вода чуть не убила тебя.

– Джейс...

– ...Один из Лайтвудов, а к ним нельзя. Они сразу доложат о тебе Конклаву, и в беде окажешься не ты одна. Люк – тоже.

Как могут Лайтвуды выдать?! Они же... Нет, лучше не говорить, что Лайтвуды не такие, какими Аматис знала их пятнадцать лет назад. Лайтвуды больше не ярые фанатики закона. Эта женщина, может, и сестра Люку, но Клэри она чужая. Черт возьми, она и Люку чужая, ведь он не общался с ней лет шестнадцать. И никому не рассказывал о ней.

Притворившись усталой, Клэри откинулась на подушку.

– Вы правы, я еще не оправилась. Вздремну, пожалуй.

– Вот умница. – Аматис забрала пустую кружку. – Если захочешь принять душ, то ванная в конце коридора. Под кроватью стоит сундук с моими старыми вещами. Раньше я носила одежду примерно твоего размера – найдешь что-нибудь. На пижаму не смотри, – слабенько улыбнулась Аматис. Клэри на улыбку не ответила. Внутренне она боролась с отчаянием, готовая бить кулаками о матрас.

Едва Аматис закрыла за собой дверь, Клэри выбралась из кровати и поспешила в ванную в надежде, что от горячего душа в голове прояснится. Слава богу, Сумеречные охотники – приверженцы стиля ретро – современной сантехникой не брезгают. Клэри нашла кусок мыла с крепким ароматом цитрусовых – самое то, чтобы избавиться от запаха озерной воды, приставшего к волосам.

Выйдя из ванной, завернутая в два полотенца, Клэри ощущала себя намного лучше. Она открыла сундук и принялась рыться в вещах, аккуратно переложенных слоями хрустящей упаковочной бумаги.

Нашлась одежда, похожая на школьную форму: вязанные свитера с зеркально переплетенными буквами «С» на нагрудном кармашке, плиссированные юбки и рубашки с узкими манжетами и с воротниками на пуговицах. Белое платье, завернутое в несколько слоев шелковой бумаги. «Свадебное», – догадалась Клэри и бережно отложила его в сторонку. Под ним обнаружились еще одно платье из серебристого шелка, почти невесомое, на бретельках со стразами. Аматис в нем представить не получилось, однако... В таком, должно быть, мама выходила танцевать с Валентином. Думая так, Клэри выпустила платье, и мягкий, холодноватый наряд скользнул обратно в сундук.

На самом дне отыскалась форма Сумеречного охотника.

Клэри аккуратно разложила ее на коленях. Первый раз Лайтвуды предстали перед ней именно в боевом облачении: облегающие куртки и штаны из плотного материала. Материал не тянулся; это была кожа, которой путем выделки придали эластичность. Верх – куртка на молнии, низ – штаны с мудреными шлевками для широких, крепких ремней под оружие.

Аматис, конечно, предлагала взять свитер и юбку, но что-то в боевом облачении притягивало. К тому же Клэри всегда отличалась большим любопытством...

Через пару минут оба полотенца сушились на перекладине в изножье кровати, тогда как сама Клэри, не без удовольствия, любовалась на себя в зеркало. Облачение подошло: облегалo, не стесняя движений, подчеркивая изгиб бедер и груди. А и правда, бедра и грудь как будто округлились. Грозной Клэри, конечно, не выглядит – и вряд ли хоть что-то придаст ей таковой

вид, – зато росту словно прибавилось. Да и волосы на черном фоне смотрятся необыкновенно яркими. Как у мамы когда-то.

В самом деле. С виду Джослин походила на куколку, но внутри имела стальной стержень характера. Что же такого случилось с мамой в прошлом, отчего она обрела силу и нестигаемость, упрямство и бесстрашие? Аматис спросила: «Твой брат похож на Валентина так же, как и ты – на Джослин?», и Клэри чуть не ответила, дескать, нисколько она на мать не похожа. Мама – красавица, не то что сама Клэри. Однако Джослин, которую помнила Аматис, была девчонкой, замыслившей свергнуть Валентина и тайно заключившей пакт с нежитью, нарушив тем самым Круг и спася Перемирие. Та Джослин не стала бы смиренно сидеть в стенах дома, пока снаружи гибнет ее мир.

Без дальнейших раздумий Клэри вышла из комнаты и заперла дверь спальни на засов. Открыла окно и выглянула наружу. Шпалера у стены выглядела совсем как... приставная лестница. А приставные лестницы вполне себе безопасны.

Сделав глубокий вдох, Клэри перелезла через подоконник.

* * *

Следующим утром стражники вырвали Саймона из тревожного забытья, наполненного непонятными снами. Выводя вампира из подземелья, они не стали надевать ему на голову мешок, и Саймон улучил момент – бросил украдкой взгляд на решетку соседней камеры. Если он и думал застать там вчерашнего собеседника, то испытал разочарование: только и увидел за прутьями, что кучу тряпья.

Тюремщики проводили Саймона через несколько серых коридоров, угощая толчками, если парню случалось задержать на чем-нибудь взгляд. Наконец его привели в комнату, оклеенную роскошными обоями и щедро увешанную портретами мужчин и женщин в облачении Сумеречных охотников. (Рамки портретов тоже были украшены руническими узорами.) Под самой крупной картиной на красном диване восседал Инквизитор.

– Крови? – протянул он Саймону серебряную чашу. – Ты, должно быть, проголодался?

Элдертри слегка наклонил чашу в сторону Саймона, и от вида карминовой жидкости в ней – равно как и от ее запаха – вампир напрягся. Вены под кожей резко натянулись, словно нити в руках кукловода.

– Она... человеческая? – спросил Саймон, борясь с дурнотой.

– Сынок! – хихикнул Элдертри. – Не будь столь наивен. Это кровь оленя. Еще, впрочем, теплая.

Саймон не ответил. Клыки вытянулись и кольнули в нижнюю губу. От вкуса собственной крови Саймона замутило.

– Боже мой. – Инквизитор сморщил лицо в сушеную сливу и обратился к стражникам: – Господа, оставьте нас наедине.

Один лишь Консул задержался в дверях, глядя на Саймона с неприкрытым отвращением.

– Нет, благодарю, – неясно пробормотал Саймон. – Крови не надо.

– Твои клыки говорят об обратном, юный Саймон, – добродушно заметил Элдертри. – На, пей.

Он протянул парню чашу, и запах крови наполнил комнату, словно аромат розы в саду.

Клыки вышли в полную длину. Боль в губе сработала как пощечина, и Саймон, сам не понимая, что делает, шагнул вперед, забрал чашу у Элдертри и опорожнил ее в три глотка. Опомившись, он отставил сосуд на подлокотник дивана.

Один-ноль в пользу Инквизитора.

– Надеюсь, ночь в камере не показалась тебе чересчур неприятной? – поинтересовался Элдертри. – Эти казематы совсем не предназначены для пыток, мальчик мой. Скорее для уси-

ленных размышлений. По мне, так размышления приводят разум в порядок, очищают сознание. Ты производишь впечатление умного юноши, и я искренне надеюсь, что ты хорошенько поразмыслил в отведенное тебе время. – Инквизитор слегка наклонил голову. – Кстати, одеяло я принес тебе лично. Чтобы ты вдруг не замерз ночью.

– Я вампир. Мы не мерзнем.

– О, – разочарованно ответил Инквизитор.

– Спасибо за звезды Давида и печати Соломона, – сухо добавил Саймон. – Приятно, что вы учли мое вероисповедание.

– Ах ну да, ну да, конечно же! – просиял Элдертри. – Не правда ли, резьба удалась на славу? Она прекрасна, очаровательна и совершенно надежна. Думаю, стоит тебе прикоснуться к двери, и у тебя с руки кожа сойдет! – Инквизитор рассмеялся, довольный задумкой. – Как бы там ни было, не мог бы ты слегка отойти? Сделай милость. Ты меня очень обяжешь, право слово.

Саймон отступил на шаг.

Вроде бы ничего не произошло, но глаза Инквизитора в колечках пухлых век расширились.

– Ясно, – выдохнул Элдертри.

– Что ясно?

– Посмотри, где стоишь, юный Саймон. Оглянись.

В комнате ничего не изменилось, и до Саймона не сразу дошел смысл затеи Элдертри: отступив, он попал в столбик солнечного света, проникающий через окошко высоко в стене.

Инквизитор чуть ли не извивался от удовольствия.

– Ты стоишь под прямыми солнечными лучами, и с тобой ничего дурного не происходит. Рассказ о твоих способностях я чуть было не счел ложью, но вот убеждаюсь в них воочию.

Саймон молчал. Что говорить в такой ситуации?

– Естественно, я должен спросить тебя, – продолжил Элдертри, – знаешь ли ты, откуда у тебя такие способности?

– Может, я просто самый симпатичный из вампиров? – пошутил Саймон и моментально пожалел. Глаза Элдертри сузились, и на виске проступил червячок пульсирующей жилки. Понятно, шутки Элдертри любит, только если шутит сам.

– Очень, очень забавно, – произнес Инквизитор. – Теперь скажи: восстав из могилы, ты уже обладал даром светолюба?

– Нет, – осторожно ответил Саймон. – По первости солнце жгло меня. Даже крохотный лучик обугливал кожу.

– Понимаю, понимаю, – живо закивал головой Элдертри, словно подтверждая естественный порядок вещей. – Когда ты впервые обнаружил, что можешь безболезненно выходить на солнечный свет?

– Утром после большого сражения на корабле Валентина...

– ...Где он держал тебя узником, намереваясь использовать твою кровь в ритуале обращения Меча?

– Похоже, вы сами все знаете. Я вам не нужен.

– О, нет-нет, ну что ты! – вскинул руки Элдертри. Его маленькие ладошки совсем не подходили пухлым рукам. – Ты стольким можешь помочь, мой мальчик! Например, я никак не отделаюсь от мысли, что на корабле случилось нечто, изменившее тебя. Ты сам как думаешь?

Саймон уже хотел сказать, что пил кровь Джейса – назло Инквизитору, – и опомнился. Кровь Джейса! Может, она изменила вампирские качества Саймона? Возможно ли такое? Даже если так, имеет ли право Саймон рассказывать о поступке Джейса? Одно дело прикрывать Клэри, и совсем другое – прикрывать Джейса. Ему-то Саймон ничем не обязан.

Хотя как посмотреть. Дав Саймону выпить своей крови, Джейс уберет вампира от гибели. Поступил бы так иной нефилим? И что меняет, если Саймон пил кровь Охотника исключительно ради Клэри? Он говорил за себя, извиняясь перед Джейсом, дескать, чуть не убил его. (Джейс ответил, мол, чуть сам этого не позволил.) В правилах ничего не сказано, какая кара ждет Джейса, если Конклав прознает о его «подвиге».

– Я не помню, что было на корабле, – произнес наконец Саймон. – Валентин накачал меня наркотиками.

– Прискорбно слышать. – Лицо Инквизитора поникло. – Прискорбно, очень.

– Мне тоже очень жаль, – соврал Саймон.

– Значит, ты ничегошеньки не помнишь? Ни одной красочной детали?

– Помню только, как Валентин напал на меня и я потерял сознание. Потом... я очнулся в пикапе у Люка. Он увозил нас домой. Все, больше ничего.

– Ай-ай-ай, – пробормотал Инквизитор, заворачиваясь в мантию. – Смотрю, Лайтвуды прониклись симпатией к тебе, тогда как прочие члены Конклава их... не понимают. Валентин пленил тебя, а ты вышел из этого противостояния, обретя новую, невиданную силу, и теперь еще пробился в самое сердце Идриса. Понимаешь, как все это выглядит со стороны?

Если бы сердце Саймона жило, оно заколотилось бы с сумасшедшей скоростью.

– Намекаете, что я шпион Валентина?

– Боже мой, юноша, как ты такое можешь думать! Я доверяю тебе, доверяю всецело! Но вот Конклав... О, Конклав известен подозрительностью. Мы так надеялись на твою помощь. Видишь ли – хоть я и не имею права рассказывать об этом, однако доверяю тебе и вижу, что могу поступиться правилом, – Конклав угрожает страшнейшая беда.

– Конклав? – Саймон оцепенел. – Тогда при чем здесь?..

– Понимаешь, Конклав расколот надвое. Идет внутренняя война, если так можно выразиться, во времена конфликта всеобщего. Предыдущий Инквизитор и многие другие совершили немало ошибок, о которых я предпочту сейчас не говорить. Однако, видишь ли, авторитеты Конклава, Консула и Инквизитора поставлены под сомнение. Валентин опережает нас на шаг, словно предвидит наши действия. Совет больше не желает прислушиваться к моим советам или советам Малахи, особенно после событий в Нью-Йорке.

– Я думал, Инквизитор...

– Назначил ее Малахи. Хотя и представить не мог, что Имоджен настолько повредится рассудком.

– И все же, – кисло напомнил Саймон, – вы не сказали, как моя история выглядит со стороны.

Жилка на виске у Элдертри вновь запульсировала.

– Умница. Ты прав. Внешняя сторона дела нигде так не важна, как в политике. Придумай удачную историю, и толпа пойдет за тобой. – Он подался вперед, не сводя глаз с Саймона. – Позволь рассказать одну историю. Жили-были Лайтвуды и состояли они в Круге. Потом отrekliсь от членства в нем, а прощение заслужили, покинув Идрис и основав Институт в Нью-Йорке. Безупречная репутация вернула им доверие Конклава, но... все это время они молчали о том, что Валентин жив. Лайтвуды оставались преданными слугами Валентина. Они приняли его сына.

– Они не знали...

– Ах, помолчи, – проворчал Инквизитор, и Саймон заткнулся. – Итак, Лайтвуды помогли Валентину разыскать Орудия смерти и подготовить ритуал Обращения. Инквизитор раскрыла их намерения, за что и поплатилась: Лайтвуды устроили ее гибель во время битвы на корабле. И вот теперь они проникают в самое сердце Идриса, желая выведать наши планы и сообщить их господину. Тебя, вампира с удивительной способностью жить при свете солнца, приволокли отвлечь наше внимание, отвести его от своих истинных замыслов: вернуть Кругу былую славу и

сокрушить закон. – Инквизитор еще больше подался вперед, сверкая пороссячими глазками. – Как тебе история, вампир?

– Вы с ума сошли, – ответил Саймон. – В вашей легенде дыр больше, чем в бруклинской Кент-авеню, которую давно пора ремонтировать. Уж не знаю, на что в итоге вы надеетесь...

– Надеюсь? Я не надеюсь, я знаю, уверен. Знаю, что мой священный долг – спасти Конклав.

– Ложью?

– Историей. Великие политики всегда умеют вдохновить народ историей.

– Разве можно вдохновить народ, обвиняя во всем Лайтвудов?

– Политика требует жертв. – Лицо Инквизитора влажно поблескивало. – Стоит Совету и Конклаву обрести общего врага, вернется доверие и единство. Что такое жизнь одной семьи против великой цели! К тому же дети Лайтвудов не пострадают. Их винить не в чем. Разве только старшего...

– Ничего у вас не выйдет, – предупредил Саймон. – Никто не поверит в такую чушь.

– Люди верят в то, во что хотят верить, а Конклаву нужен козел отпущения. Я же представлю всем желаемое. Помогите мне.

– Помочь? Я-то здесь при чем?

– Признайся. – Элдертри побагровел от возбуждения. – Признайся, что служишь Лайтвудам, что вы в сговоре с Валентином. Тогда познаешь мою милость: я отправлю тебя назад, к своим, клянусь. Только выступи перед Конклавом и подтверди мои слова.

– Подтвердить правдивость вашей лжи? – спросил Саймон, перефразируя Инквизитора. Голова закружилась, и Саймон потерял сосредоточенность; мысли хаотически заметались, и среди прочих перед глазами стали возникать образы Лайтвудов: Алек, спешащий по тропинке в Гард; темноглазая Изабель; склонившийся над книгой Макс... и Джейс, один из Лайтвудов, пусть и не родня им по крови. Инквизитор не упомянул его, но и так понятно: Джейса осудят вместе со всеми. Какой бы приговор ни вынесли, Клэри будет страдать. Как вышло, что в руках Саймона оказалась судьба этих людей – людей, которые за человека-то его не считают?!

Саймон поднял взгляд и посмотрел в угольно-черные глаза Инквизитора. Будто в бездну заглянул.

– Нет, – сказал вампир. – Нет, я не выступлю за вас.

– Пока не ответишь иным образом, больше от меня крови не получишь. – В голосе Инквизитора не было ни капельки доброты. Даже притворной. – Узнаешь, какой сильной бывает жажда.

Саймон не ответил.

– Тебя ждет еще одна ночь в камере, – сказал Элдертри, вставая с дивана и берясь за колокольчик. – Там внизу, должно быть, тихо и мирно? Тишина и покой, я уверен, помогут тебе вспомнить то, что мне нужно.

* * *

Клэри убедила себя, что помнит дорогу, которой пронес ее Люк, хотя на деле вышло иначе. Верным решением показалось найти середину города, однако, достигнув дворика с забытым колодцем, Клэри поняла: куда сворачивать, она не знает. Поворот налево привел к переплетению извилистых и жутко похожих друг на друга улочек. С каждым новым поворотом Клэри все больше приходила в отчаяние.

Наконец она вышла на широкую улицу, обрамленную рядами лавок. Горожане спешили мимо, не обращая на Клэри никакого внимания. Кое-кто носил точно такую же боевую форму, прочие были одеты по погоде: в длинные старомодные плащи и накидки. Задувал холодный

порывистый ветер, и Клэри ощутила укол сожаления – свой зеленый плащ она забыла в гостевой спальне Аматис.

Люк не соврал, сказав, что на собрание явились Охотники со всех концов света. Клэри прошла мимо индуски в роскошном, шитом золотом сари и с двумя изогнутыми клинками на поясной цепочке. У витрины оружейной лавки стоял, заглядывая внутрь, высокий мужчина с угловатыми ацтекскими чертами лица; его запястья были унизаны браслетами из того же сверкающего материала, из которого созданы сторожевые башни. Дальше по улице какой-то бедуин сверялся с картой улиц. Завидев его, Клэри осмелела и решилась спросить дорогу до Принсуотер-стрит у проходившей мимо женщины в тяжелой парчовой накидке. Хоть бы только горожане не относились с подозрением ко всякому, кто не знает улиц Аликанта.

Пронесло. Женщина, не колеблясь, торопливо указала направление.

– ...Потом направо от конца канала Олдкасл, затем перейдете по каменному мосту – там и будет Принсуотер-стрит. – Она улыбнулась. – К кому-то конкретному идете?

– Да, к Пенхоллоу.

– О, у них большой синий дом с позолотой. Стоит задом к каналу. Ни за что не пропустите.

Женщина оказалась наполовину права. Дом Пенхоллоу был и правда велик, но Клэри успела пройти мимо, прежде чем опомнилась и развернулась: вовсе поместье не синее, оно цвета индиго. Хотя не все способны так хорошо различать цвета. Некоторые даже лимонный от шафранового – которые близко не стоят – отличить не могут! И отделка не золотая – бронзовая. Металл потемнел от времени, словно дом простоял здесь много-много лет. Впрочем, так оно, наверное, и есть.

Дом прямо-таки дышал стариной.

«Соберись», – приказала себе Клэри. Каждый раз, как она нервничала, мысли разбредались в разные стороны.

Ладони вспотели, и Клэри вытерла их о сухие и шероховатые, словно змеиная чешуя, штаны.

Поднявшись на крыльцо, она взялась за дверную колотушку в форме пары ангельских крыльев. От стука внутри дома разнеслось эхо, будто от удара тяжелого колокола. Почти сразу дверь распахнулась. На пороге, широко раскрыв глаза от удивления, стояла Изабель Лайтвуд.

– Клэри?

– Привет, Изабель, – слабо улыбнулась Клэри.

Изабель оперлась плечом о косяк и мрачно произнесла:

– Вот черт.

* * *

В камере Саймон рухнул на койку и стал слушать, как удаляются шаги стражников.

Еще одна ночь в узилище. Ночь на размышление, на то, чтобы «вспомнить» нужную Элдертри мелочь из прошлого. Значит, так выглядит история со стороны? Даже в самых страшных мыслях и ужасных кошмарах не мог Саймон представить, будто его заподозрят в сговоре с Валентином.

Валентин прославился ненавистью к нежити. На корабле он выкачал из Саймона кровь и оставил умирать, хотя Инквизитор этого, пожалуй, не знает.

Из соседней камеры слышался шорох, и давешний хриплый голос произнес:

– Признаться, я гадал, вернешься ты или нет. И раз уж ты вернулся, смею предположить: Инквизитор желаемого от тебя не добился.

– Да, фиг ему. – Встав с койки, Саймон принялся ощупывать стену между камерами. Он искал трещину или хоть что-нибудь, чтобы заглянуть по ту сторону. – Кто же вы?

– Элдертри – человек упрямый, – продолжал говорить сосед, не слыша вопроса. – Попыток он не оставит.

Саймон оперся плечом о замшелую стену.

– Значит, я здесь надолго.

– Мне, я думаю, ты не скажешь, чего хочет Элдертри?

– А зачем?

В ответ раздался смешок – будто железом по камню провели.

– Я сижу в подземелье дольше твоего, светолуб, и поверь: в тюрьме не больно-то чем можно занять ум. Радуетесь всякому отвлечению.

Саймон сплел пальцы на животе. Оленья кровь притупила голод, но тело все еще изнывало от жажды.

– Вы так и называете меня светолубом.

– Слышал, как о тебе говорили стражники. Мол, объявился вампир, способный разгуливать под солнцем. Таких прежде не было.

– И все же обозначение мне придумали. Удобно.

– Светолуб – словечко от нежити. Не Конклав его выдумал. У нежити сохранились легенды о подобных тебе. Странно, что ты не знаешь.

– Я не так уж и давно стал вампиром. Зато вы, смотрю, обо мне много знаете.

– Стража любит посплетничать. Лайтвуды, пронесшие через портал истекающего кровью вампира, – та еще тема для слухов! Признаться, я и не надеялся, что ты окажешься тут... пока стражники не пришли готовить тебе узилище. Как Лайтвуды стерпели подобное?!

– Почему нет? – горько произнес Саймон. – Я никто. Нежить.

– Для Консула – может быть, но Лайтвуды...

– А что Лайтвуды?

– Сумеречные охотники, живущие за пределами Идриса, особенно те, кто руководит Институтами, относятся к твоему брату терпимо. Конклав же, напротив, более... узок в своем мировоззрении.

– Тогда кто вы? – спросил Саймон. – Нежить?

– Я – нежить?! – гневно воскликнул собеседник, оскорбленный одним только предположением. – Меня зовут Сэмюель. Сэмюель Блэкберн. Нефилим, состоял в Круге и во время Восстания рубил нежить. Я не один из них.

– О, – сглотнул Саймон. Во рту ощущался привкус соли. Членов Круга Конклав изловил и покарал, за исключением тех, кто сумел выторговать прощение или принять ссылку. – Так вы сидите с тех самых времен?

– Нет. После Восстания я бежал из Идриса и скрывался многие, многие годы, пока, словно дурак, не решил, будто обо мне все забыли. Вернулся домой и в тот же миг был схвачен. У Конклава свои методы слежки за врагами. Я предстал перед Инквизитором, и меня допрашивали несколько дней, а после бросили в темницу. – Сэмюель вздохнул. – У французов такие тюрьмы называются «oubliette». Место, куда скидываешь гнить мусор, забывая о нем, не слыша воня.

– Прекрасно. Я-то мусор, нежить. Но вы – нефилим.

– Нефилим, который вступил в сговор с Валентином. Я хуже тебя – перебежчик.

– Вообще-то осталось много нефилимов, бывших союзников Валентина. Лайтвуды, Пенхоллоу...

– Они отвернулись от хозяина. Я – нет.

– Почему же?

– Валентина я боюсь куда больше, чем Конклава, – ответил Сэмюель. – Будь у тебя мозги, светолуб, ты понял бы меня.

* * *

– Ты же в Нью-Йорке! – воскликнула Изабель. – Джейс говорил, ты передумала и захотела остаться с мамой!

– Он солгал, – невыразительно ответила Клэри. – Сначала мне – о том, когда вы отправляетесь, потом вам – о том, будто я передумала идти в Идрис. Ты сказала, что Джейс никогда не врет? Ну вот, ошибочка вышла.

– Обычно – не врет. – Изабель побледнела. – Слушай, ты прибыла сюда из-за... из-за Саймона?

– Нет, Саймон, слава богу, остался в Нью-Йорке. Вzbесится, конечно, оттого, что не успел попрощаться со мной. – Невыразительная мина на лице Изабель начинала раздражать Клэри. – Ну все, Изабель,пусти. Мне надо к Джейсу.

– Значит... ты прибыла своим ходом? Надеюсь, с разрешения Конклава? Умоляю, скажи, что они разрешили.

– Вообще-то, не совсем так.

– Ты нарушила закон?! – вскрикнула Изабель и тут же резко понизила голос, продолжая шепотом: – Если Джейс узнает, ох он и разозлится. Клэри, лучше тебе вернуться домой.

– Нет. У меня дело в Идрисе, – продолжала гнуть свое Клэри, даже не понимая, откуда в ней такое упрямство. – И еще мне надо поговорить с Джейсом.

– Время неподходящее. – Изабель тревожно огляделась, словно ища кого-нибудь, кто поможет спроводить Клэри. – Пожалуйста, возвращайся в Нью-Йорк, а? Очень тебя прошу.

Клэри ощутила укол обиды.

– Я-то думала, ты на моей стороне, Иззи.

Изабель насупилась и, как маленькая, закусила губу. Белое платье и волосы, убранные в высокий хвост на затылке, делали ее совсем юной. За спиной у нее проглядывали старинные картины маслом на стенах в прихожей с высоким потолком.

– Слушай, я и правда за тебя, но Джейс... Ой, господи! Где ты надыбал боевое облачение?

Клэри осмотрела себя.

– Долго рассказывать.

– В таком виде тебе сюда нельзя. Джейс увидит и...

– Что? Что тогда? Изабель, я прибыла в Идрис из-за матери. Джейс сколько угодно может не хотеть моего присутствия. Вот только дома он меня держать права не имеет. Я должна быть здесь. Мама это одобрила бы. Ты сама ради своей мамы поступила бы так же?

– Конечно, – ответила Изабель. – Но, Клэри, у Джейса есть причины...

– С удовольствием их выслушаю, – сказала Клэри и, поднырнув под руку Изабель, прошла в прихожую.

– Клэри! – взвизгнула Изабель и кинулась следом, но Клэри уже преодолела полкоридора. Той частью разума, что не следила за Изабель, Клэри изучала интерьер. Поместье походило на дом Аматис: такое же высокое и утонченное, только больше и богаче украшенное. В конце коридора имелась комната, вытянутые вверх окна которой выходили на широкий канал. Белые лодки бороздили водную гладь, словно подхваченные ветром парашютики одуванчиков. У окна на диване сидел темноволосый парень и читал книгу.

– Себастьян! – крикнула Изабель. – Не пускай ее наверх!

Парень удивленно оторвался от книги и мигом позже загородил проход на лестницу. Клэри едва успела затормозить. Прежде она не видела такой прыти (кроме как у Джейса). Парень даже не запыхался; напротив, он смотрел на девушку с улыбкой.

– Так вот она какая, знаменитая Клэри.

У Клэри перехватило дыхание. Годами она создавала бесконечную сагу в картинках о сыне короля, проклятом принце, все любимые которого погибали... Клэри столько сил вложила в образ романтического, окутанного зловещей тенью героя, и вот он стоит перед ней: ниспадающие на плечи волосы, бледная кожа, глаза глубоко посаженные и такие темные, что зрачок сливается с радужкой. Те же высокие скулы и длинные ресницы.

Клэри видела парня впервые, и все же он озадаченно произнес:

– Мы... не встречались прежде?

Утратив дар речи, Клэри покачала головой.

– Себастьян! – Растрепанная Изабель яростно сверкала глазами. – Нечего сюсюкаться, ей сюда нельзя. Клэри, возвращайся домой!

Усилием воли Клэри заставила себя оторвать взгляд от Себастьяна. Посмотрела на Изабель и спросила:

– Домой – это в Нью-Йорк? И как, по-твоему, я вернусь?

– А как ты проникла сюда? – спросил Себастьян. – В обход барьера в Аликант пройти очень непросто.

– Я пришла через портал.

– Портал? – изумленно переспросила Изабель. – В Нью-Йорке порталов не осталось. Валентин их уничтожил. Оба.

– Не стану я перед тобой объясняться, – отрезала Клэри. – Пока сама не объяснишься. Например, где Джейс?

– Его нет, – ответила Изабель одновременно с Себастьяном, который произнес:

– Он наверху.

– Себастьян! – прикрикнула Изабель. – Заткнись.

– Клэри его сестра, – озадаченно парировал юноша. – Разве Джейс не обрадуется ее увидеть?

Изабель открыла рот и снова закрыла. Она взвешивала два варианта: что разумнее – объяснить совершенно чужому Себастьяну сложность отношений Клэри с Джейсом или позволить Клэри нанести братцу внезапный визит? Наконец Изабель подняла, сдаваясь, руки и необычайно – для себя – гневно произнесла:

– Ладно, Клэри. Поступай, как знаешь, ведь только так ты и привыкла действовать. Тебе без разницы, кому при этом будет плохо.

Ой... Клэри бросила на Изабель укоризненный взгляд, затем посмотрела на Себастьяна, молча освободившего дорогу. И понеслась вверх по ступенькам, почти не обращая внимания на голоса внизу: Изабель распекала несчастного Себастьяна. Такова ее природа – если надо на ком-то выместить гнев и если под руку попадается парень, последнему несдобровать.

Лестница перешла в площадку, на которой была устроена оконная ниша с видом на город. Сидевший в нише мальчик оторвался от чтения и удивленно моргнул.

– Я тебя знаю.

– Привет, Макс. Я Клэри, сестра Джейса. Помнишь меня?

Макс просиял.

– Ты научила меня читать «Наруто», – сказал он, протягивая Клэри книгу. – Вот, у меня еще есть. Называется...

– Макс, потом почитаем, обещаю. Пока нет времени. Ты знаешь, где Джейс?

– Там. – Поникнув лицом, Макс указал в сторону последней по коридору двери. – Я хотел с ним, а он не пустил, сказал, что будет заниматься взрослыми делами. Все так говорят.

– Прости, – извинилась Клэри, мысленно уносясь в конец коридора. Что сказать Джейсу? Что он скажет ей? Подходя к двери, Клэри подумала: лучше не орать и быть приветливой. Иначе Джейс уйдет в глухую оборону. Он должен понять: Клэри – тоже часть Идриса, и нечего беречь ее, словно древнюю фарфоровую вазу. Клэри такая же сильная...

Распахнув дверь, она вошла в похожую на библиотеку комнату: стены, заставленные книжными полками, яркий свет льется сквозь высокое венецианское окно. В середине стоит Джейс... не один, совсем не один. С ним – незнакомая темноволосая девушка. Оба страстно обнимаются.

6. Вражда

Голова закружилась. Попятившись, Клэри задела плечом дверь, которая с громким стуком захлопнулась. Джейс разомкнул объятия с девушкой.

Клэри замерла на месте. У незнакомки были прямые черные волосы до плеч и очень красивое лицо. Верхние пуговицы блузки она успела расстегнуть, так что открылась полоска кружевного лифчика.

Клэри затошнило.

Девушка принялась поспешно застегиваться.

– Прости, пожалуйста, – нахмурилась она. – Ты кто такая?

Клэри не ответила. Она смотрела на Джейса. Брат побледнел, и круги под глазами проступили особенно четко. Он уставился на Клэри так, словно она целилась в него из пистолета.

– Алина, – проговорил Джейс ровно и холодно, – это моя сестра Клэри.

– О... О! – Алина расслабилась и даже изобразила смущенную улыбку. – Прости, пожалуйста! Как необычно мы встретились. Рада познакомиться. Меня зовут Алина.

Она подошла и, по-прежнему улыбаясь, протянула руку. Клэри с ужасом подумала, что вряд ли сможет ответить на жест приветствия. Посмотрела на Джейса, и брат как будто прочел это у нее в глазах. Он обнял Алину за плечи и прошептал что-то на ушко. Девушка удивленно обернулась на него, но, пожав плечами, покорно вышла.

Клэри осталась наедине с Джейсом, а он смотрел на нее как на худший свой кошмар, который воплотился наяву.

– Джейс. – Клэри шагнула навстречу.

Парень попятился, словно ее окружало ядовитое облако.

– Что, во имя ангела, ты здесь делаешь, Клэри?!

Как грубо и как больно.

– Хоть бы притворился, что рад меня видеть. Самую малость.

– Я совсем не рад тебя видеть. – Бледность постепенно проходила, однако тени под глазами все еще смотрелись как резкие мазки серым по коже. Клэри ждала, пока Джейс добавит еще что-нибудь. Брат ограничился взглядом, полным неприкрытого ужаса.

Джейс похудел, манжеты свитера свободно болтались на запястьях, и ногти были искушены.

– Совсем не рад.

– Это не ты, – возразила Клэри. – Терпеть не могу, когда ты себя так ведешь...

– Неужели! Не нравится? Что же мне, вести себя иначе? Ладно, но тогда и ты слушай меня.

– Ты не имел права поступать так со мной! – взорвалась Клэри. – Соврал мне. Да как...

– Как счел нужным, так и сделал! – выкрикнул Джейс. Прежде он ни разу не орал на сестру. – Я сделал все верно, ты, дура! Я твой брат и поэтому...

– Что – поэтому? Располагаешься мной? Пусть ты и брат, но командовать мной не смеешь!

Дверь за спиной у Клэри распахнулась, и в комнату ворвался Алек – в скромной синей куртке, растрепанный: на ботинках грязь, а на обычно спокойном лице – полнейшее недоумение.

– Что, во имя высших сил, вы тут затеяли?! – спросил он, переводя взгляд с Клэри на Джейса и обратно. – Смертельную дуэль?

– Ни в коем разе, – ответил Джейс, и, словно по мановению волшебной палочки, его гнев улетучился. Вернулось ледяное спокойствие. – Клэри уходит.

– Вот и хорошо, – сказал Алек. – Мне с тобой надо поговорить, Джейс.

– В этом доме не здороваются? Ленъ «Привет, как дела?» сказать? – возмутилась Клэри. Алека пристыдить оказалось проще, чем Изабель.

– Привет-как-дела, Клэри? Вот только тебе здесь быть не положено. Изабель передала, что ты неким образом проникла в Аликант своим ходом. Впечатляет...

– Не вздумай хвалить ее, – перебил Джейс.

– ...Однако, – продолжил Алек, – мне и правда надо потолковать кое о чем с Джейсом. Оставь нас на минутку.

– Мне тоже надо потолковать с ним. О нашей матери.

– Зато мне, – вмешался Джейс, – ни с кем из вас говорить вообще неохота.

– Нет, охота, – остановил его Алек. – Придется объяснить ситуацию с Клэри.

– Сомневаюсь, – ответил Джейс. Он перевел взгляд на сестру и медленно, сознавая, что упомянутая ситуация куда хуже, чем он решил поначалу, спросил: – Ты же не одна прибыла в Аликант, верно? Кого прихватила с собой?

Врать смысла не было, и Клэри сказала, как есть:

– Люка. Он тоже здесь.

Джейс побледнел.

– Он нежить. Ты хоть знаешь, что Конклав делает с нежитью, которая без разрешения проникает в Город стекла?! Одно дело непрощеным явиться в Идрис, и совсем другое – в Аликант!

– Нет, – полушепотом произнесла Клэри, – зато знаю, что ты ответишь.

– Если ты и Люк немедленно не вернетесь в Нью-Йорк, то выясните все на своей шкуре.

Угадал?

Клэри напугал прямой взгляд Джейса. Именно взгляд, отчаяние в нем.

– Джейс, – нарушил тишину Алек с легким оттенком паники в голосе. – Тебе неинтересно, где меня весь день носило?

– Судя по новой куртке, – не глядя на друга, проговорил Джейс, – ты бегал по магазинам. Хотя с какой стати ты обращаешь мое внимание на свои пристрастия?

– Я не в магазин ходил, – яростно ответил Алек. – Я...

Тут снова распахнулась дверь, и белым вихрем в комнату ворвалась Изабель. Посмотрев на Клэри, она покачала головой:

– Я же сказала, он взбесится. Убедилась?

– Ах это вечное «я же сказала», – произнес Джейс. – Классная отмазка. По идее.

Клэри в ужасе оглянулась на него.

– Как ты можешь шутить? – прошептала она. – Ты лишь пугал Люка, а он верил тебе. Ты ведь ему нравишься. Он – нежить, в этом дело? Да что с тобой?

– Люк здесь? – испуганно спросила Изабель. – О, Клэри...

– Нет, он не со мной. Он... ушел сегодня утром. Куда – не знаю, но вижу почему. – Ей огромных трудов стоило выдержать взгляд Джейса. – Прекрасно. Ты победил. Не стоило нам приходить. Не стоило мне открывать портал.

– Ты сама навела портал?! – возбужденно переспросила Изабель. – Клэри, портал навести может лишь маг. И не абы какой. В Идрисе единственный портал открывается в Гарде.

– О чем я, собственно, и хочу поговорить с Джейсом, – прошипел Алек, и вид у Джейса сделался еще хуже, чем прежде. Словно парень вот-вот потеряет сознание. – О вчерашнем моем поручении. Кое о чем, что я доставил в Гард...

– Алек, хватит. Замолчи! – Алек умолк, но Джейс так и не взглянул на него. Он по-прежнему смотрел остекленевшими глазами на Клэри. Наконец он заговорил, через силу выдавливая слова: – Ты права, не стоило тебе приходить. Я соврал, будто тебе здесь появляться опасно. Правда в том, что ты не думаешь, торопишься и действуешь безрассудно. Ты все испортишь. И ничего с этим поделать нельзя, Клэри. Ты относишься ко всему очень небрежно.

– Все... ис... пор... чу? – прошептала Клэри. На большее не хватило воздуха в легких.

– О, Джейс, – печально произнесла Изабель, словно боль терпел он, а не Клэри. Джейс не обернулся, его взгляд по-прежнему был прикован к сестре.

– Ты бросаешься вперед очертя голову, – продолжал Джейс. – Если бы не ты, мы не полезли бы в «Дюмор».

– Тогда умер бы Саймон! Про него ты подумал? Может, я и действую, не думая, но...

– Ах «может»? – повысил голос Джейс.

– Я не всегда ошибаюсь! На корабле ты сам сказал, что я спасла вам жизни.

Лицо Джейса лишилось последних капель краски, и парень с внезапной, поразительной злобой произнес:

– Заткнись, Клэри. ЗАТКНИСЬ.

– На корабле? – спросил Алек, и его взгляд заметался между Джейсом и Клэри. – Что такого случилось на корабле? Джейс...

– Я просто успокоил тебя, чтобы не ревела! – заорал Джейс, забыв об Алеке, обо всех, кроме Клэри. Сила его гнева была такова, что Клэри чуть не сшибло с ног. – Ты ходячая беда. Ты примитивная и останешься таковой навсегда! Тебе не научиться думать, как настоящий нефилим. Ты не умеешь заботиться об остальных. Думаешь только о себе! Идет война или вот-вот начнется, и у меня нет ни времени, ни желания присматривать за тобой, чтобы никого по твоей вине не убили!

Клэри пораженно смотрела на брата, не в силах найти хоть одно подходящее слово. Джейс никогда прежде не говорил с ней так. Он попросту не способен на такое! Как бы сильно ни злила Клэри Джейса в прошлом, он не кричал на нее со столь искренней ненавистью.

– Возвращайся домой, Клэри, – устало закончил Джейс, словно объяснения выпили из него силы. – Возвращайся.

Планы тут же пошли прахом. Надежды отыскать Фелла, спасти мать, вернуть Люка – все испарилось в один момент. Утратило ценность, слова не шли на ум. Клэри развернулась к выходу; Алек и Изабель посторонились, давая пройти, оба старательно отводили взгляд. Ей бы чувствовать себя униженной, разозлиться, а вместо этого внутри образовалась мертвая пустота.

В дверях Клэри обернулась. Брат смотрел ей вслед, но лица было не разглядеть: солнце светило Джейсу в спину, и Клэри видела, как сверкает светлая шевелюра, словно присыпанная стеклянным крошевом.

– Когда ты признался, что Валентин твой отец, я не поверила. Не считала себя правой, нет, просто ты не был похож на него. Совсем. Как я ошиблась! Ты вылитый отец.

Выйдя из комнаты, Клэри закрыла за собой дверь.

* * *

– Меня будут морить голодом, – признался Саймон.

Он лежал на холодном каменном полу камеры и смотрел сквозь зарешеченное окошко на небо. Когда Саймон только-только стал вампиром, он думал, что больше не увидит дневного неба и солнца, и словно одержимый лишь о них и думал. Лежал в темноте, прогоняя в памяти все оттенки синего: от бледно-голубого с утра до ярко-синего в полдень и цвета кобальта в предвечерние сумерки. Теперь Саймон размышлял, не дарована ли способность пребывать на свету лишь затем, чтобы он вот так провел остаток жизни, пялясь на крохотный кусочек синевы?

– Вы меня слышали? – чуть громче позвал он соседа. – Инквизитор собирается уморить меня голодом. Оставит без крови.

Послышался шорох, затем вздох.

– Слышу я тебя, слышу, – ответил Сэмюель. – Чего же ты от меня хочешь? – Помолчав, опальный нефилим добавил: – Ладно, сочувствую, светолуб, если тебе от этого легче.

– Не особенно, – произнес Саймон и перекатился на живот. Камни уперлись в ребра. – Инквизитор хочет, чтобы я солгал под присягой, будто Лайтвуды в сговоре с Валентином. Тогда меня вернут домой. Впрочем, забудьте. Сам не знаю, зачем все это рассказываю. Вы, наверное, понятия не имеете, о чем я.

Сэмюель издал звук – нечто среднее между смешком и кашлем.

– Вообще-то имею. Я знал Лайтвудов, мы вместе состояли в Круге. Лайтвуды, Вэйланды, Пэнгборны, Эрондейлы, Пенхоллоу – все родовитые семьи в него входили.

– И Ходж Старквезер? – Саймон вспомнил учителя Лайтвудов. – Он тоже состоял в Круге?

– Он происходит не из столь почтенной семьи. Молодой Ходж подавал надежды и не сумел оправдать их. – Сэмюель помолчал. – Элдертри с самого начала невзлюбил Лайтвудов, с детства. Он не был богат, привлекателен, да и они не питали к нему теплых чувств. Сомневаюсь, что Элдертри забыл детские обиды.

– О каком богатстве вы говорите? Я думал, все Охотники на зарплате у Конклава, как... при коммунизме, что ли?

– По идее, Охотники получают равное жалованье. Есть, впрочем, те, кто занимает положение повыше и ответственности несет больше. Скажем, Институтом заведует. Таким платят щедрее. Остаются еще те, кто зарабатывает деньги на стороне, в мире примитивных. Подобное не возбраняется, если от заработка отдается часть в пользу Конклава. Однако... – Сэмюель помолчал в нерешительности. – Ты видел дом Пенхоллоу? Как он тебе?

– Довольно милый.

– Пенхоллоу владеют одним из красивейших домов в Аликанте. Еще у них поместье за городом. Почти у всех семей есть такие. Понимаешь, нефилим может иным способом сколотить капитал – за счет «трофеев». Все имущество убитого демона или нежити Охотник забирает себе. Если, скажем, маг нарушил закон и нефилим его покарал, то...

Саймон вздрогнул.

– Значит, охота на нежить – прибыльный бизнес?

– Если постараться, – горько ответил Сэмюель, – и если не сильно привередничать в вопросе убийства. Становится ясно, откуда так много противников Договоров. Договоры влезают к тебе в мошну и не дают убивать, кого хочется. Возможно, поэтому я и вступил в Круг. Моя семья богатством не отличалась, нас презирали за то, что мы брезговали кровавыми деньгами.

– Так ведь и члены Круга истребляли нежить!

– Они считали убийство нежити священным долгом. Действовали не из алчности, хотя сейчас я не могу понять, почему в ту пору этот принцип был столь важен. – В голосе Сэмюеля звучала усталость. – Все из-за Валентина. Он умел убедить остальных в чем угодно. Помню, как стоял подле него, над телом мертвой женщины, руки по локти в крови, и все казалось верным. Верным, потому что Валентин так объяснил.

– Над телом мертвой нежити?

Сэмюель за стеной измученно вздохнул.

– Пойми, я бы исполнил любой приказ Валентина. Все ему верили, и Лайтвуды тоже. На том Инквизитор и хочет сыграть. Однако учти: поддашься Инквизитору, обвинишь Лайтвудов, и он сможет убить тебя, заткнуть. По настроению, если сочтет, что милосердие к тебе больше не дает ощущения власти.

– Не важно. Я не стану ему помогать. Не предам Лайтвудов.

– Правда? – искренне удивился Сэмюель. – Есть причина? Они тебе так сильно дороги?

– Если солгу для Инквизитора, то выйдет, что я всю дорогу лгал о них.

– Так ведь Элдертри лжи от тебя и добивается. Домой-то охота?

Саймон уставился на стену, будто видел за нею соседа.

– Вы бы на моем месте так и поступили? Соврали ему и всем?

Сэмюель закашлялся – очень нехорошо, болезненно, сипло. Правильно, здесь, внизу, сыро и холодно, просто Саймон не замечает. Человеку такие условия явно не на пользу.

– Этические советы от меня вряд ли стоит принимать, – сказал Охотник. – Впрочем, да, я бы, скорее всего, соврал Инквизитору. В первую голову я всегда спасаю свою шкуру.

– Не верю.

– Поверь, поверь. Вот наберешься опыта, Саймон, и поймешь, что если человек о себе говорит гадости, то это обычно правда.

«Только опыта мне уже не набраться», – подумал Саймон, а вслух сказал:

– Вы первый раз назвали меня по имени. Не светолубом.

– Ну, назвал и что?

– Лайтвуды мне не то чтобы дороги, в смысле мне нравятся их дети: Изабель, даже Алек и, может быть, Джейс. Но есть девушка, сестра Джейса.

На это Сэмюель сыронизировал:

– Куда же без девушки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.